

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Павел Михель

Мир, который не вернуть
Том 2: Год Первый

Павел Михель

**Мир, который не вернуть.
Том 2: Год Первый**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Михель П. О.

Мир, который не вернуть. Том 2: Год Первый / П. О. Михель —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Главный герой - подросток, который был резко брошен в опасный новый мир. Он уже потерял многое, но и кое-что приобрёл. Теперь же ему предстоит дальнейший путь в одиночку в мире, где неизвестно: кто враг, а кто друг. Содержит нецензурную брань.

Содержание

День ??-67	6
День 68-72	14
День 92	27
День 140-142	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Павел Михель
Мир, который не вернуть.
Том 2: Год Первый

Посвящаю всему человеческому роду.

День ??-67

Я очнулся от резкой боли в затылке. Глаза с тяжестью открылись.

Какие-то громкие звуки и гудение... звуки мотора. Маленький кузов, но достаточно высокий, чтобы я мог сидеть в полный рост, и ещё сверху оставалось немного.

На руке было что-то холодное и тяжёлое – она была прикована наручниками к металлической трубе. Я был весь грязный, перепачканный почерневшей кровью и грязью. Особенно руки были в грязи. Машина иногда чуть-чуть подпрыгивала, и от этого ударялся головой об металлический угол.

Напротив, сидел человек в грязной, мешковатой одежде. На его лице были странные очки с толстой оправой, как будто из старого фильма. Что действительно было удивительно, так это то, что он был темнокожим. В одной руке он держал блокнот и ручку, а второй придерживал коробку в ногах. Он смотрел через окошко на улицу.

Машину тряхнуло, и он обернулся:

– Вижу, проснулся, – сказал неизвестный. И, что меня ещё больше удивило, совсем без акцента. – Может воды?

– Кто ты? – протянул я. Из-за сухости во рту было тяжело говорить.

– А ты не помнишь? – удивился он. – Ты укусил моего друга. Мы тебя закрыли. Зетс олл. Я непонимающе посмотрел – «Какой друг? кто ты вообще?».

«Надо валить отсюда», – сказал Голос.

– Не помню, – тихо сказал я, глядя на него. Неизвестный сделал запись в блокнот. – Где... где мальчик?

– Мальчик?

– Да... где мой друг?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Ты был один, когда тебя нашли. Сочувствую.

– Ясно... – тихо сказал я. Мне стало горько, но заплакать не мог.

Прошло несколько секунд молчания.

– Так-с, ладно... Что же ты помнишь тогда? – парень внимательно смотрел на меня. – Может, ты хотя бы расскажешь, что за хуйня здесь творится? Или ты вообще ничего не помнишь?

– В смысле, «что творится»?

– В прямом: вокруг и, в частности, с людьми. Что за болезнь? Почему люди кусаются? Где, блять, вообще все? Военные, учёные, правительство? – он говорил быстро, но спокойно. Даже как-то положительно оживлённо.

Меня шокировали его слова. Кажется, будто прошла целая вечность, а здесь такое...

– А с чего мне тебе отвечать? – тихо ответил я. Голова адски болела.

– Можешь не отвечать. Только в этом случае я не смогу помочь тебе, смекаешь?

– Помочь?... С чем?

– С твоими проблемами, очевидно? – незнакомец указал на запястье правой руки, которая у меня была прикована. – Так ты согласен? О нот?

«Он что-то мутное задумал. Осторожнее».

– А у меня есть выбор? – в голове был туман. Нужно было сосредоточиться...

Я пытался вспомнить хотя бы то, что происходило недавно, но никак не мог собрать картинку воедино – какие-то обрывистые образы, слова...

– А это тебе решать. Хочешь – я попрошу, машину остановят, мы тебя высадим, и дело с концом – как идея? Мне, если честно, всё равно на тебя. Это моей подруге тебя жалко стало. По тебе-то видно, что ты не из этих, но кто знает...

Я всё никак не мог понять как он ко мне относится – казалось, будто он был отстранён от меня и закрыт. И не понять: бояться его или довериться.

– Не надо... – ответил я. – Я... постараюсь ответить. Только... дай воды... тяжело говорить... сухо.

Он достал из коробки небольшую бутылку.

– Только без глупостей, ладно? – проговорил он, садясь рядом и открывая бутылку.

Я с жадностью накинулся на воду – так, будто очень давно не пил. Сначала она больно резанула горло, но спустя секунду уже всё прошло. Я чуть-чуть подавился и прокашлялся. Стало легче.

– Гу-уд... – протянул он. – Так, что тут происходит, м?

– А что ты знаешь?

– Почти ничего, так что лучше рассказывай всё.

– Ладно... я... – мне тяжело было собраться, не мог понять с чего начать. – Ладно...

В голове была каша. Я пытался вспомнить, но в голову приходили лишь обрывки воспоминаний, образы, звуки, отдельные слова, детский смех... Примерно через минуту удалось вспомнить отчётливо один момент. Я шёл по лесу...

* * *

Идти было тяжело. Гудели ноги, болела спина... Не помню даже, сколько времени мы шли. Кажется, что целую вечность. И всю эту вечность, вокруг было одно и то же: тёмные голые деревья, чугунное серое небо.

Но, несмотря на всё это, Максим всё так же был полог энергии. Он сидел у дерева, затем резко подорвался и побежал вперёд, за густые кустарники. Совсем скоро послышался голос:

– Смотри-смотри, что тут! – крикнул он где-то вдалеке. Я побрёл в сторону голоса.

– Может, ты не будешь кричать? – протянул я. – Здесь... здесь могут быть восставшие.

Выйдя из густых кустарников, я чуть не упал, но вовремя схватился за ветку оголённого дерева – впереди был небольшой овраг, дно которого устлано тонким покрывалом жёлтых листьев.

Максим стоял внизу, ковыряясь между деревьев. Я аккуратно сел на край земли, и спрыгнул вниз. Листья предательски зашелестели. Максим обернулся на звук, и весело улыбнулся:

– Смотри, что тут, – при моём приближении, он отступил в сторону. Между деревьями что-то было. Это была чья-то рука. – Я его случайно нашёл... он, он ещё мычит, смотри!

Максим поднял с земли маленькую палочку, и ткнул ею в торчащую руку. «Оно» промычало что-то непонятное.

– Это лишь рука. Значит, с другой стороны другая его часть, – Максим, подпрыгивая, побежал за дерево. Я пошёл следом.

Это был крупный восставший: большой, высокий, мясистый мужчина. Мне показалось это странным, особенно учитывая тот факт, что мы были на километры вокруг в глухом лесу.

Из его головы беспорядочно торчали мелкие волоски, как щетина, а лицо было круглым и каким-то глупым. Своеобразный «шкаф». Одна его рука намертво застряла между стволами деревьев, а вторая лежала, оторванная, рядом, оголяя грязный плечевой сустав. Она была вырвана чуть ли не с корнем. Холодок прошёлся по спине – мне стало как-то не по себе, как будто меня облили грязью.

“Оно” смотрело в землю перед собой, не обращая на нас никакого внимания. Восставший был как-то странно одет, по-летнему: майка и шорты.

– Он какой-то странный, – тихо сказал я, чувствуя омерзение и страх.

Нам уже давно никто не попадался. Ни людей, ни восставших. Вообще не помню, когда видел что-нибудь кроме этого бесконечного серого леса.

Максим неожиданно достал нож:

– С ним можно повеселиться, знаешь? А то, как-то, скучно просто так ходить по лесу. Ни белок, ничего, одни листья... – сказал он с неким энтузиазмом, и подошёл ко мне, протягивая рукоятку. – Держи.

Я непонимающе посмотрел на него.

– Зачем? – рефлексивно я сделал несколько шагов назад.

– Будем тебя учить новым правилам жизни, – ответил Максим. – Да ты не бойся. Это же как в играх. Всего-то, закончить его страдания – разве это плохо?

Максим пугал своими словами. Это не выглядело шуткой.

– Максим... зачем мне это делать? – мой голос ломался. – Может, ты сам? – из рук выпал нож, но Максим сам его подобрал.

– Зачем? – переспросил он и резко подошёл ко мне вплотную, пристально всматриваясь мне в глаза, снизу вверх. Мне стало ещё больше не по себе. На его лице больше не было весёлой улыбки. Это точно была не игра. Он прошептал: – Потому что если не ты, то тебя.

– Но... Я не могу. Это... это же человек! – тело предательски не двигалось.

Максим с силой схватил мою руку и, вложив в неё нож, отошёл в сторону. Нож был, хоть и небольшим, но лёгким. Холодный металл был будто зачарованный.

– Нет... – тихо простонал я, но уже не мог отдавать себе отчёт. Внутри будто что-то щёлкнуло, страх отступил, и нож поглотил меня полностью. Рукоятка была из гладкого дерева. Я решил проверить лезвие и слегка провёл пальцем – кожа в миг разошлась, появилась кровавая капля.

– Ты должен уметь это делать без раздумий, понимаешь? – сказал Максим. – Либо ты, либо тебя. Третьего нет, особенно сейчас. Это, – он указал на восставшего, – уже не люди. Это зараза, которую необходимо истреблять. – Максим достал маленький складной ножик из кармана куртки. – Смотри.

Он подошёл и с лёгкостью, даже какой-то грацией, воткнул нож в шею восставшему. «Оно» шевельнулось, и посмотрело в мою сторону пустыми тёмными глазами.

Под лезвием вяло протянулась тёмная струйка. По телу снова прошёлся холодок. Максим, с той же лёгкостью, достал нож, вытер его об землю, но класть обратно не торопился.

– Теперь твоя очередь, – он отступил в сторону.

– Я... не хочу... – тихо проговорил я, но всё же нерешительно подошёл к восставшему. Каждый шаг давался тяжелее, чем предыдущий. Восставший непонятно шевелил губами. Я встал перед ним в ступоре. Внутри меня будто всё кричало: «Беги! Беги!!». Но я не бежал.

– Чего ты ждёшь? – спросил Максим. – Это же так просто: вставил, достал, и всё.

Я несколько раз замахивался, но так и не смог нанести удар. Я встал, пытаюсь собраться с силами.

– Ну же! – Максим уже терял терпение.

Я замахнулся ещё для одного удара, и, как и в прошлые разы, остановился у самой головы. Гнилые зубы были так близко к моей коже... ещё совсем чуть-чуть, и конец...

Внезапно, Максим взял мою руку сзади и довёл нож в голову до самой рукоятки. Я не успел понять, что произошло, и как это случилось. Нож вошёл в голову, словно в масло.

Голова восставшего с тяжестью упала вниз, теперь он избавился от бесконечного кошмара.

– Видишь, это просто, – тихо сказал Максим, и встал рядом.

Руки дрожали, я не мог пошевелиться, всё вращалось перед глазами. Я смотрел на руку, в которой был нож, и не мог понять, что происходит, всё вертелось, затошнило.

– Достань нож, не бойся, – сказал Максим. Он заметно повеселел. – Думаю, ты откажешься, а я вот повеселюсь с ним ещё.

– В каком смысле «повесишься»? – тихо спросил я.

– Узнаешь, – в голосе его звучали весёлые нотки. Я понял: для него это было игрой, не более. – Ну же, я не смогу всё делать за тебя всегда.

– Но... я не могу! Руки не слушаются! – я сорвался на крик. Его голос сильно давил.

– Тише, успокойся. Смотри, он теперь безобидный. Его нечего бояться, – Максим обхватил его голову и покачал несколько раз. – Видишь?

– Но... – я попытался возразить, но Максим резко меня оборвал:

– Без «но». Делай.

Я послушно достал нож трясущейся рукой. Пришлось сильнее сжать руку, чтобы рукоятка не проскальзывала в руках. Всё ещё в шоке, я отступил назад на несколько шагов, споткнулся о выступающий из земли корень, и упал. Максим не обратил на меня никакого внимания, и весело прыгал возле трупа, радостно махая ножом перед ним. Он кое-как перевернул тело лицом к небу, и внезапно встал перед ним. Некоторое время он так простоял, а потом взял восставшего за ноги, и потянул в сторону, в результате чего тот растянулся всем телом кверху.

– Так-с... с чего бы начать? – сказал Максим с каким-то извращённым предвкушением.

Он постоял немного, а затем резко вонзил нож в бок восставшему, и с силой потянул в сторону, пытаясь разрезать плоть. От трупа пошла тошнотворная вонь. На его майке появилось тёмное пятно, которое резко начало расти в размерах. Максим смеялся, он раздвинул в теле щель, и запустил туда руку.

От всего этого меня стошнило. Я еле успел отвернуться в сторону, чтобы больше не смотреть на это.

– Что ты делаешь?! – закричал я. В ответ на это Максим лишь ещё больше припадочно рассмеялся, ничего не ответив.

Неожиданно он подбежал ко мне и схватил за руки. Меня ещё раз стошнило, хоть я и думал, что больше уже нечем. Было тяжело дышать. Максим измазал мои руки в чём-то чёрном, а затем убежал. Некоторое время меня ещё подташнивало. Я со злобой смотрел на него, а он весело убежал обратно.

Вспорыв живот, он достал сгнившие внутренности, и радовался, держа их в руках как какую-то драгоценность. Это зрелище было настолько отвратительным, но я уже не мог отвернуться.

– Смотри, какие длинные! Фу! – Максим рассмеялся, затем он сделал разрез по всей длине груди и, раздвинув руками, оголил поломанные кости.

– Что тут у нас... Так, интересно, а что у него с сердцем? У такого здоровяка должно быть огромное сердце! – Максим запустил руку в щель, и тихо добавил: – Жесть какая-то... как они ходят? У них же всё сгнило внутри.

Он улыбнулся, и извлёк тёмный кусок. Он едва помещался на его двух ручонках:

– Вон оно! Вот! Смотри! Да уж, действительно огромное! – он говорил это с каким-то маниакальным восторгом.

Если бы в желудке что-то оставалось, вышло бы сейчас. Но ничего уже не было.

Я снова не выдержал:

– Зачем ты это делаешь? Прекрати! Остановись! Остановись! Остановись!..

На несколько секунд повисла тишина. Максим смотрел на меня вопросительно.

– Мне же интересно... а тебе, разве, нет? – наконец, ответил он, и снова принялся копаться внутри.

После его слов всё потемнело. Мощные стволы деревьев согнулись, голову объял туман бесчувствия. Он захватывал всё, как снежная лавина захватывает всё, пока не достигнет своего конца. Максим вместе с трупом исчез где-то внутри этого тумана, а после и я оказался там же.

Всё оборвалось в секунду.

* * *

Помимо этого, я рассказал ему о начале, обо всём, что помнил: о начале болезни, о временных лагерях, о магазине, а дальше всё было в тумане.

– Интересно-интересно... – проговорил мужчина, записывая в блокнот. – Ещё что-нибудь помнишь?

Пока рассказывал, успел рассмотреть его лучше: грязная зелёная тканевая куртка, тёмные джинсы. На левом колене было светлое протёртое пятно.

– Не могу... болит голова...

– Ты не спеши. Знаешь, некуда спешить.

Я пытался вспомнить ещё что-нибудь более-менее ясное, но ничего не удавалось. Что-то неприятное маячило, но я всё никак не мог вспомнить, что это. Оно постоянно ускользало...

– Не могу... всё... в тумане... Есть что-то, но оно постоянно ускользает... – в голову резко ударила волна боли. В глазах потемнело. Я машинально схватился за голову свободной рукой.

– Можно снять? – тихо проговорил я, слегка приподнимая прикованную руку.

– Необходимая мера предосторожности. Сори, френд. Вдруг ты ещё и меня укусишь. Пока не разберёмся с тобой, что да как, то будешь прикован, – холодно ответил он.

– Со мной всё нормально! – крикнул я, но это отозвалось в голове новой болью.

– Факты говорят об обратном.

– В смысле?

– Ты весь в крови, понимаешь? – темнокожий ручкой указал в мою сторону. А потом тихо добавил: – Но после твоих слов теперь яснее, что происходит. Ну, знаешь, и с тобой, и вообще, – он помолчал несколько секунд. – Знаешь, я бы даже, возможно, мог тебе помочь...

– С чем?

– Как бы тебе сказать... – парень облизал губы. – То, в каком ты был состоянии, когда мы тебя нашли, и то, что ты не можешь ничего вспомнить, говорит об одном: что-то случилось настолько неприятно, что мозг блокирует эти воспоминания. Но тут есть один момент... – тихо проговорил он.

– Какой?

– Если мы и сможем до них докопаться, то есть вероятность, что ты окончательно сойдёшь с ума... Итс нот симпл, мэн... Мозг очень редко так сильно блокирует что-то... но без этого невозможно тебе помочь... Надо знать причину, чтобы искать решение.

– Что? – тихо повторил я. – Но... нет... этого... ничего ведь не было.

– Я не собираюсь с тобой спорить: было, не было, – он вдруг ответил раздражённо. – Если не хочешь – не могу помочь. Мне нужны твои последние воспоминания – это ключ к решению. Без этого я не смогу тебе доверять, да и никто из нас не сможет: неизвестно что ты выкинешь на почве своего больного сознания. И, если не хочешь, я попрошу остановить, мы тебя высадим, и больше никогда не увидимся, – ближе к концу он снова сменил раздражение на сухость.

Меня испугала его резкая смена настроения, но, подумав немного, я понял, что выхода нет: один не смогу выжить, это верная дорога в могилу. Но с другой стороны, меня утешало представление о болезненном воспоминании. Если он говорил правду, значит это что-то очень серьёзное.

– Помню... помню какой-то разговор, – с болью пробирался сквозь пелену непонятных воспоминаний. – Обрывки фраз... это... это был наш с ним разговор... с мальчиком...

– Давай, попробуй вспомнить, может это ключ, – тихо сказал темнокожий.

Я напрягся ещё раз...

* * *

— Тебе нужно быть серьезнее, жёстче, – детский голосок Максима не совсем вязался с такой манерой. Будто за него кто-то говорил. – Понимаешь, социум пал, общества потребителей больше нет. Теперь людям не нужно носить прикрывать свои мелкие пороки в повседневной жизни. Всё, карты на столе, маски сорваны. И тебе необходимо стать хищником, «овца» долго не выживет. Если ты до сих пор веришь в лекарство и что мир станет нормальным, то знай: спасение – бред сумасшедшего. Если бы его изобрели, мы бы не шли по этому треклятому лесу. Сейчас либо ты, либо тебя. Нет ни классов, ни групп, ни прав, ни обязанностей, ни закона, ни порядка – анархия.

– Я не совсем понимаю...

– Позже поймёшь.

– Почему ты говоришь так странно?..

– Странно? Друг, это тебя учит жизни маленький мальчик. Это ты бежишь от реальности в свои мечты, где всё хорошо, где текут молочные реки и где ничего не произошло. Это ты не принимаешь действительность. Это ты боялся жить. Это ты боялся сделать шаг к девчонке, что тебе нравилась. Это ты сделал со своим другом... – он осёкся, но через секунду продолжил, не давая мне сказать: – Ты знаешь, что я прав! Что ты так на меня смотришь? Я очень многое о тебе знаю... Костя, ты должен пересмотреть своё отношение к жизни, и свою роль в ней. Иначе ты умрёшь... А ты обещал. Подумай об этом.

* * *

– Вот, кажется, и всё... – боль с новой силой пронзила голову. – Хотя, я вспомнил ещё кое-что...

* * *

Мы шли очень долго. Не помню даже, когда останавливалось. Тело ныло от усталости. Последняя еда кончилась вчера, силы быстро кончались. Мы остановились на передышку.

– Как же я устал, и есть охота... – Максим плюхнулся на землю возле дерева. – Когда уже до трассы дойдём...

Я сел рядом. Не очень хотелось сидеть рядом с Максимом, но это лучше, чем одному.

Земля была холодная и твёрдая. Ноги гудели, а боль в животе стигала пополам. Пришлось сидеть с поднятыми коленками вверх, но всё равно нужно было прилагать усилия. Думаю, если бы сейчас лёг, то не встал бы уже.

– А ты точно знаешь, куда надо идти? – спросил я.

– Да... я же говорил, что помню карты, которые были у папы на столе. Да и что был тут не раз. Где-то тут он хотел построить небольшой дачный поселок. Помнишь, мы проходили через такое огромное поле?

– Где куча пней валялись?

– Да, это рабочие начинали работать. Срубили деревья, и половину пней выкорчевали... – он резко замолчал.

Я отвернулся, и только сейчас заметил, насколько пустеет мир с наступлением зимы: птиц не было видно, одни только тени ворон перелетали с ветки на ветку, возможно, ожидая добычу в виде нас. Их чёрные глаза-бусинки сверкали с какой-то опасной радостью, как будто они осознавали наше бессилие.

Листья, некогда радовавшие глаз своей силой и цветом, превратились в похоронный прах жизни под ногами, а солнце так и не появилось из-за нескончаемого, и почти непроницаемого, слоя облаков, оставляя нас наедине с этим неприятным миром. Остался последний природный удар, который, к нашему счастью, ещё не последовал – холод. Это хоть как-то радовало.

– Долго нам ещё идти? – буркнул я недовольно. Даже злиться не было сил.

– Да мы уже почти пришли, не парься, – Максим усмехнулся. – Тут немного осталось...

– А что потом? – спросил я. – Вот мы выйдем к дороге, а куда потом?

– Естественно, мы пойдём в город. Идя через лес, мы сократили дорогу наполовину. Значит, как только выйдем, останется пройти лишь пару километров.

– Ага, а дальше куда? Там уже полно восставших...

– Это тебе решать.

– Не понял...

– Я всего лишь мальчик. Ты больше меня, сильнее, у тебя есть оружие... – Максим указал на мой рюкзак, где лежал пистолет. – Вот и решай: захочешь, уйдём снова в лес; захочешь, обоснуемся где-нибудь на окраине. Но далеко от города не уйдёшь: там еда, вещи какие-никакие, да и есть где обосноваться. А в лесу или ещё где – мы быстро закончим.

Я откинулся назад, упёршись руками в землю. По небу, будто сбегая отсюда, летела стая птиц, унося меня с собой.

Глаза сами по себе закрылись.

Не знаю, сколько времени прошло, но холод успел проникнуть до костей, и даже, как будто, дальше. Максим сидел рядом, его маленькое спящее лицо выражало полнейшее спокойствие. Он мягко и размеренно дышал.

Тело, налитое свинцом, не давало встать.

– Максим... – тихо позвал я. Результата не было. – Максим! – я повторил громче. Он лишь слегка промычал. – Максим! – я перешёл на крик. Наконец, он открыл глаза и сонно посмотрел на меня.

– А?.. что?.. – он съёжился и потёрся руками. – Как холодно-то...

– Я встать не могу... – виновато признался я. – Так сильно замёрз, что тело не слушается. Похоже, ноги затекли ещё.

– Сейчас, – ответил Максим, со вздохом встал, даже чуть не упал, но вовремя схватился за ствол дерева.

Он подошёл ко мне и начал поднимать. Ноги были как дубовые палки: не слушались, и не сгибались.

Кое-как, я смог встать слегка поддерживаемый Максимом.

* * *

— Как пират... из мультиков, – тихо подытожил я.

– А что дальше? – спросил парень.

– Мы... Я немного расхотелся, мы вышли к дороге. Нечего больше рассказывать, – ответил я, а затем резко вспомнил: – Я вспомнил кое-что... Боль... Помню, резкую боль в груди, а потом... Потом очнулся здесь.

Болела рука. Наручник сильно натирал.

– Остался последний вопрос, и закончим. Костя – это ведь твоё имя, да? – я кивнул. – Уф... уф-уф-уф... как бы это объяснить... Этого Максима... не существует, понимаешь?

– В смысле «не существует»?

– Это... уф... – он тяжело выдохнул и обхватил рукой шею. – Это проекция твоего сознания, понимаешь? Чтобы снять боль. Вот... – парень, видимо, ждал моего ответа, но я не мог

что-либо ответить, и он продолжил: – И мне нужно знать, что было до его появления? Ты помнишь что-нибудь?

– Я... я не понимаю...

– Помнишь, ты говорил, что Максим вскрывал мертвеца? Как это мог сделать ребёнок? Подумай сам: разве ему бы хватило силы? Если это тебя не убедит, посмотри на свою одежду – это всё сделал ты. И когда мы встретили тебя, идущего по обочине, ты странно шёл, даже с кем-то говорил... его никогда не было... Да и еды не хватило бы на вас двоих – сам подумай.

– Но... как же?... нет...

– Прошу, послушай, ты помнишь что-нибудь ещё? Что-нибудь до его появления?

Я плохо соображал, но всё-таки попробовал вспомнить что-нибудь ещё – от этого лишь сильнее разболелась голова. Что-то тёплое заструилось по верхней губе.

– Я... не помню, – выдавил я из себя. У меня была почти истерика.

– Это точно блокировка памяти... – он пометил себе в блокноте и закрыл его. – Файн, зетс ол. Что-то плохое произошло в прошлом, и твоё неокрепшее сознание закрылось таким вот щитом. У меня был подобный случай в практике, когда у пациента убили всю семью на глазах. Он тоже выдумал друга, который взял на себя боль... Сейчас тебе нельзя волноваться, иначе галлюцинации вернутся. Действие того препарата, что мы вкололи, скоро кончится. Сейчас дам тебе снотворное... – парень достал из ящичка небольшую воду, упаковку и выдавил оттуда пару таблеток. – Хорошо запей.

Когда я закончил, он забрал бутылку.

– Ты не парься, это сильнодействующие. Скоро подействуют. Конечно, постоянно их лучше не пить, но разок можно.

– А скоро мы приедем?

– Уже почти...

Веки тяжелели. Всё снова налилось свинцом.

«Раз, два...»

Я заметил Максима напротив. Он весело мне подмигнул, и я отключился.

День 68-72

— Костя... Костя, вставай, – чья-то рука мягко дёрнула за плечо. Я нехотя открыл глаза – это была Катрин.

Я медленно встал с небольшой картонки, не понимая, что происходит, но, вдруг, мне стало так стыдно за себя: лохматый, грязный, весь в порванных лохмотьях... А рядом стояла она: вся в белой одежде, словно светилась, и светлые волосы слегка качались при небольших порывах ветра, что летели сюда с главной улицы.

Её образ был такой чистый, что я мысленно дорисовал ей кольцо над головой и крылья позади.

«Ангел», – подумал я.

Она так и стояла, протягивая мне руку, и мягко улыбаясь:

– Пойдём, нас ждут, – я послушно дал руку и позволил себя вести. Через пару секунд мы были уже на главной улице: широкая улица, серые, будто картонные, панельные дома по бокам, и бесконечное движение. Всё двигалось лишь в одном направлении – влево.

Катрин скрылась среди толпы одинаковых безликих существ. Я посмотрел в сторону, куда устремились всё и вся, но не увидел там даже конца бесконечной цепочки – только серое небо в том месте темнело и выглядело зловещим.

Я машинально отвернулся в другую сторону, вправо – там, над толпами людей, был какой-то приятный, мягкий свет.

«Зачем они все идут не туда, а, наоборот, оттуда? Я... я не пойду с ними», – мысль пронеслась молниеносно, решение было принято.

Я стал пробиваться сквозь толпу, чтобы добраться до света. Было тяжело, но какое-то слепое желание горело внутри и заставляло пробиваться сквозь толпу. С каждым шагом дорога всё круче уходила вверх, но для окружающих ничего не менялось, они шли всё так же прямо, что выглядело неестественно.

Я обернулся, чтобы понять, насколько же продвинулся – что-то поменялось: несколько фигур окрасились, будто проявляя что-то своё. Это фигуры были больше похожи на людей, и двигались, как и я, все к свету, продираясь сквозь толпы «копирок». Среди них, на противоположной стороне улицы, была Кэтрин – она была среди «живых» людей. Некоторые сбивались в группы, помогая друг другу.

Меня догоняли несколько человек: темнокожий парень, светловолосая девушка и крепкий высокий парень. Встретившись со мной взглядом, девушка улыбнулась и весело помахала мне рукой. Я отвернулся, и постарался двигаться вперёд. Уже приходилось карабкаться, хватаясь за других людей, что шли всё так же прямо.

Свет ослеплял. Что-то шепнуло возле самого уха:

«А что, если ты прав, а остальные ошибаются?».

Я обернулся посмотреть на источник шёпота – чья-то широкая улыбка. Всё вмиг оборвалось.

* * *

Я резко открыл глаза. В голове была каша. Остатки сна быстро улетучивались, опустошая разум. Острая боль в груди окончательно очистила мысли. Холод окончательно добил сон, пробил озноб.

Я был всё так же прикован и лежал на лавке.

«Что...» – пронеслась мысль в голове, но не успел я её закончить, как услышал голоса, совсем рядом, с улицы.

– Свет... Света, блин, лисен ту ми... нельзя! Андестенд? Не-ль-зя. Он же, он же... ну... это, понимаешь? – неуверенно говорил негрубый, но мужской голос. Он был мне уже знаком.

– Миша, хватит. Ты же видел его – какая опасность? Он же ребёнок совсем. Ему же лет тринадцать всего, – спокойно ответил женский голос.

– Ну, так и тем более – зачем его брать?

– А ты предлагаешь его оставить? М-м? Ты хотел бы, в свои тринадцать лет, чтобы тебя оставили без оружия, с этими... тварями один-на-один?

Повисла небольшая пауза.

– Вот и я так думаю, – заключила девушка. – Он же и суток не продержится.

– Лисен... ну, я же тебе рассказывал – да ты и сама всё прекрасно видела... – Миша осёкся. – У него психоз... Я не уверен, но...

– Миша, мы не оставим мальчика. Точка. Ты у нас эксперт по психике – вот и вылечи его.

– Я психолог, а не психиатр... – чуть тише ответил Миша.

– Неважно, – твёрдо сказала Света.

– Ещё как важно!

– Всё, Миша, хватит! – отрезала Света. – Мальчик остаётся, и точка. Тем более, он может знать что-то о том, что за херня здесь произошла. Нас не было всего несколько месяцев, но всё – никого... Я не знаю как ты – а мне тяжело поверить, что всё разрушено, что жизнь кончена. Как?.. Ты же помнишь, что за всю неделю нам встретилась лишь одна машина? И та... – голос Светы дрогнул, – ... та тварь...

– Послушай, Света, может это никакой и не монстр – так, шизик или алкаш. Он и слова сказать не мог, одно мычание.

– В том-то и дело, что я не уверена в том, что видела. Но мальчик остаётся тут, и ты ему поможешь. Всё, – Света говорила очень уверенно. Я сотни раз слышал подобные споры между мамой и братом. Я знал, что Света уже победила. Знал это и Миша.

– Света... Фак! – промычал Миша в бессилии. Он не мог никак повлиять на её решение. – Файн! Но я буду за ним следить...

– Следи, только этого и прошу, – уже спокойнее, ответила Света. – Ладно, пойду посмотрю, как он там.

Через несколько секунд дверь, звякнув металлом, открылась. Внутрь вошла молодая светловолосая девушка. На ней были тёмно-синие джинсы и чёрное длинное пальто. Когда-то светлый шарф был обвязан вокруг шеи поверх пальто, а волосы аккуратно завязаны в хвост. Несмотря на весь бардак и безумие нового мира, видно было, что она всё равно ухаживала за собой.

Увидев меня, она улыбнулась. Было в её лице что-то светлое и твёрдое, несмотря на общую напряжённость ситуации. Возможно, это всё было лишь игрой моего воображения.

– Вижу, проснулся, да? – мягко сказала Света, подходя ко мне. Она села на край лавки. Я смущённо отвёл глаза. – Смущаешься? Как мило. Не смущайся. Ну, и не обижайся, что мы вот так – конечно, не номер люкс, но что имеем. Как тебя зовут?

– К-костя, – язык был словно мешок с песком.

Девушка снова улыбнулась.

– Света, – она подала руку, я, смущаясь, пожал её свободной рукой. – Приятно познакомиться. Как себя чувствуешь?

– В груди болит, – тихо сказал я.

– Оно и понятно – тебе такое вкололи, – она глубоко вдохнула, а затем выдохнула: – Ну и напугал же ты нас. Но я знала, что ты нормальный. Не похож на... них.

Я чуть подвинулся, чтобы показать руку:

– Ещё вот... это можно как-то убрать?

– Пока нет – понимаешь, я хочу сначала тебя узнать, а там уже посмотрим. Но если ты хочешь сам уйти – только скажи, я сразу тебя освобожу и мы разойдёмся. Даже, думаю, что-нибудь поесть оставим. Но... если хочешь с нами – тогда мне нужно узнать тебя... да и тебе меня...

Я не поднимал глаза. Мы несколько секунд молчали.

– В любом случае, знаешь, ты сейчас совсем другой, чем... тогда, – тихо сказала Света. Её лицо немного переменялось: оно сейчас не было весёлым, но каким-то сосредоточенным. – В бреде ты всё твердил одно имя... Па... блин, – Света задумалась, – Палов... нет. Пав... Павлов – да... У меня всё из головы не уйдёт оно. Ты так кричал... Кто это? – Света посмотрела на меня, а потом она ещё что-то начала говорить, но у меня в глазах начало темнеть, резкая боль кинжалом проткнула голову, сердце сжалось. Я начал задыхаться.

«Павлов... Павлов!.. Павлов?.. Павлов...» – звучал и отражался тысячами отголосков её голос в голове. Я не мог понять, кто это, и что вообще происходит.

– Миша!.. – услышал я крик Светы, но он сразу потонул в океане отголосков. Сознание погружалось в пучину подсознания...

* * *

Я стоял посреди безлюдного переулка. Театр позади переливался такими яркими красками, что невольно приходилось щуриться. Пройдя дальше, я вышел на главную улицу, но и здесь никого не оказалось – лишь лёгкий ветер разгонял воздух. Кто-то вдалеке хихикнул. Это было в одном из многочисленных переулков. Я пошёл в сторону, откуда был звук. Странные смешки повторялись, и с каждым шагом я понимал, что подхожу всё ближе. Было страшно, но останавливаться было уже поздно. В один момент я понял, что этот звук от того, кто сидит всего в паре шагов от меня, прямо за поворотом.

За углом, на мусорном баке, сидел высокий крепкий парень – он сидел лицом ко мне, широко расставив ноги. Незнакомый весело мне улыбнулся.

– Привет, – улыбнулся сказал он.

Я молчал. Внезапно мне захотелось убежать, но неизвестный прочёл мои мысли:

– Не убегай, пожалуйста... Тебе нечего бояться. По крайней мере, не меня. Блин, ты даже не знаешь, как же здесь скучно, – сказал он уже невесело, и тихо вздохнул. – Ай, чего о грустном – давай не будем.

Я всё ещё стоял, не подходя, но бежать уже не хотел.

– Что же ты молчишь, Костя? Так смотришь, будто... нет... действительно?.. Похоже, ты меня забыл... – грустно подметил парень.

Последние слова отозвались в голове эхом и начали как-то сильно давить. Я, не выдержав напряжения, упал на колени. Завертелся целый вихрь из обрывков воспоминаний и образов.

– Правду говорят, что мозг старается избавиться от неприятных воспоминаний, подменяя их мягким неведением и запихивая настоящую память в глубины подсознания. Мне так мама говорила, приёмная, она на психиатра училась. В конечном итоге, люди не помнят даже сам факт того, что забыли что-то – удобно, – парень усмехнулся, встал и подошёл ко мне, приложившись своим лбом к моему, затем опустился на корточки рядом и приподнял моё лицо, пристально всматриваясь в глаза: – Вспоминай, друг...

Острая боль снова пронзила голову, отражаясь по всему телу, словно луч в комнате зеркал. Обрывки образов начали складываться в единую цепочку воспоминаний, сцепляясь друг с другом.

Когда всё закончилось, я резко открыл, продираясь сквозь боль, глаза. В груди бешено стучало сердце. Всё встало на свои места. Незаметные пропущенные места всплыли в памяти, воссоединяя полотно памяти воедино.

– Мы ещё встретимся...

* * *

«Что это было?» – я схватился одной рукой за голову, а другой упирался в деревянную дощечку.

«Зря ты вспомнил – легче от этого не станет», – сказал чужой, но знакомый голос.

В который раз, я не мог понять что происходит. Фургон не двигался – мы никуда не ехали. За окном виднелась ночь. Я всё так же был прикован, запястье горело.

Света дремала напротив, укрытая грязным одеялом. Через несколько минут она открыла глаза:

– Я задремала?... – тихо сказала она, а затем посмотрела на меня: – Пришёл в себя? Что с тобой было?

– Не знаю, я... говорил кое с кем.

– Когда? – удивилась девушка.

– Сейчас... во сне.

– Так, а чего ты отрубился-то? Миша сказал, что ты как будто впал в кому.

– Не знаю... – тихо ответил я.

Мы несколько секунд молчали. Затем я сказал то, что хотел:

– Я... вспомнил кое-что, – Света внимательно на меня посмотрела. – Павлов – я вспомнил о нём. Это с ним я говорил.

– Ага... – протянула Света. – Получается, он мёртв?

Я слегка кивнул и отвернулся. Стало грустно.

– Понимаю теперь, почему ты так реагировал – вы были близки, да? Ах, ну конечно близки – что за дурацкий вопрос...

Снова повисло молчание.

– А ты можешь мне о нём рассказать? – тихо спросила Света.

– Зачем? – ответил я. – Это ничего не поменяет уже.

– Давай так: ты мне расскажешь о нём, а я тебе тоже расскажу кое-что из личного.

Несколько секунд я не мог решить, но, в итоге, подумал что это не имеет значение – если хочет послушать, то расскажу.

– Ладно... только отстегни меня, пожалуйста, – сказал я, показывая закованную в наручники руку.

– Обещаешь, что ничего не сделаешь?

– Вас здесь трое, – тихо заметил я. – Если бы я это и сделал, то это было бы последним, что я сделал.

– Действительно, – усмехнулась девушка.

Она аккуратно встала, убирая одеяло и придерживаясь за стену, нащупала в кармане ключи и отстегнула меня. Я с облегчением потёр запястье. Девушка села обратно и укуталась в одеяло.

– Тебе ведь твой друг уже всё рассказал? – спросил я.

– О чём ты? Кто рассказал?

– О том, что произошло, – я ждал, что она продолжит, но через несколько секунд добавил: – Обо всём: о болезни, восставших, обо мне...

– Ну так, немного. Погоди... восставших? – переспросила девушка.

– Мы... я их так называю.

– Ого, даже название придумал. Интересно... А мы просто «монстры», трупы – как-то не до этого было. Миша об этом не говорил. А как?.. Что это такое? Миша мне сказал, но я не особо поняла.

– Я сам не знаю. Говорили, что это какой-то вирус. Почему-то люди, когда умирают от него... не умирают.

– В смысле «не умирают»? Я же видела, что они живые – только какие-то, – она остановилась, подбирая слово, – другие. А что правительство? Заявления какие-нибудь? Новости? Военные? Где все?

Я тяжело вздохнул.

– По новостям говорили, что это какая-то болезнь. И, сначала, всё было нормально. Ну, как, паника была, напряжение, кто-то уезжал. Потом резко объявили эвакуацию. Я тогда в школе был – ну, меня так и забрали. Я ждал свою семью, но её не было. Потом нас решили увезти на другую базу, но... мы не доехали.

– Почему? Что случилось?

– Не знаю. Мы просто ехали, а потом... потом... – у меня перехватило дыхание, но я справился с эмоциями. – Потом автобус перевернулся... Все... нас осталось только четверо, в общем.

– Ага, об этом мне Миша говорил.

– А дальше – я не знаю. Слышал, что не всех забирали. Кто-то сбегал – мы встретили группу, которая сама по себе жила.

– Так, а что это за вирус такой? Как он работает? Лекарство?

Я посмотрел на неё с отчаянием:

– Если бы было лекарство – случилось такое?..

– А про вирус?

– Послушай, я не знаю. Па... – я осёкся, – мой друг говорил, что это как-то связано с головой.

Около минуты Света ничего не говорила. Видимо, ждала продолжения, но я тоже молчал.

– Значит, то, что передавали по радио – правда: и про правительство, и про болезнь, и про людей... – тихо сказала она, задумчиво глядя куда-то в стену. Через несколько секунд она перевела свой взгляд на меня: – Получается, тот человек, Павлов, тебя защищал?

– Если бы не он... – начал я, но ком в горле не дал договорить.

– Понимаю... много кто потерял своих близких. Не переживай о нём – он сейчас в лучшем мире, – ласково сказала Света, взяв меня за руку. Я мрачно и растерянно улыбнулся.

«И снова ты не один. Тебе нельзя с ними оставаться, иначе и они умрут», – прозвучал знакомый Голос в голове.

– Мне кажется, я знаю, что ты чувствуешь, – Света сжала мою руку.

«Сомневаюсь» – подумал я, но вслух не сказал.

– Примерно в твоём возрасте, у меня была лучшая подруга Настя, – Света улыбнулась. – Весёлая была девчонка, лучистая такая, добрая – как солнышко. Мы с ней подружались в садике ещё. Мама рассказывала, что, когда привела меня в садик, Настя сразу подошла ко мне и предложила дружить, а я лишь расплакалась и побежала обратно к маме. Понимаешь, до трёх лет я сильно болела, и, поэтому, не общалась ни с кем – так, только с родными. В семье-то я единственный ребёнок, и поэтому до этого с другими детьми не общалась... ладно, это неважно. В общем, – Света сделала небольшую паузу, – мы с ней дружили с самого садика. Две такие самые главные подружки. Всё рассказывали друг другу, были как сёстры... – девушка говорила это с улыбкой, а затем лицо переменялось и стало более сосредоточенным: – А потом, лет в десять, у неё обнаружили рак... что-то с дыхательными путями, я уже и не помню точно что там было. Но отчётливо помню, как ей было тяжело, и, иногда, я не могла это терпеть – её страдания, сопения, тяжёлое дыхание, грустную фальшивую улыбку. После терапии, она

стала очень раздражительной, худой, бледной... ослабла, в общем, но продолжала бороться. Все были уверены, что она выживет. Врачи даже положительные прогнозы начали давать... – Света замолчала.

– И она не выжила? – тихо спросил я.

– Не совсем... Жизнь – это не красивое кино: зачастую она забирает лучших из нас, или ломает так, что человек решает сам уйти, – Света глубоко вздохнула. Я понял, к чему она вела. – В один день она сказала мне, что устала, что не хочет больше бороться, не хочет видеть, как её все жалеют и радуются жизни, пока она страдает и надеется на чудо. Знаешь, она повернулась ко мне и сказала, со слезами на глазах: «Свет, пожалуйста, помоги мне... я больше уже не могу... Мне очень тяжело... Каждый вдох, будто разрывает горло... я больше так не могу». Ты понимаешь, что такое для двенадцатилетней девочки услышать такое? Услышать, что её друг не хочет жить дальше, и что его не будет? Ведь, по сути, лучше знать, что ты с человеком никогда не увидишься, но надеяться, что он жив где-то там, чем, когда его окончательно нет... В общем, я обозвала её дурой и убежала. Я была сильно зла на неё, и не ходила в больницу неделю. Потом мне родители сказали, что Настя умерла в ту же ночь после нашего разговора. Сказали, что возникли какие-то осложнения, и она задохнулась...

Света замолчала и быстро вытерла слёзы. Я не знал, что сказать.

– Хорошо, хоть умерла во сне, – я постарался как-то развеять тяжёлое молчание.

– Нет... Я потом узнала, что она умирала несколько минут, задышавшись, пока врачи пытались её спасти, – Света снова замолчала, и через минуту продолжила: – Знаешь, она очень любила животных. Всех. И людей тоже. Говорила, что все люди как хитрые цветки – не перед всяким распускаются... Я жалела... и до сих пор жалею, что не помогла ей. Может, она, хотя бы, так не мучилась. Может, она бы спокойно умерла...

– Ты не виновата – разве ты могла подумать об этом?

– Да, не могла, но всё же... Но, потом я кое-что для себя поняла: не стоит переживать и упиваться прошлым. Настя не хотела, чтобы я останавливалась из-за неё. Однажды, когда мы были детьми, она сказала мне, ни с того, ни с сего: «Если я умру – не переживай и не плачь. И я не буду» – да, такой она была. Говорила даже, что хочет, чтобы на её похоронах рассказывали анекдоты... Мне кажется, твой друг тоже не хотел, чтобы ты останавливался, что бы ни случилось.

«Живи!» – пронесли слова Павлова. Его последние слова.

– Так что, не переживай. Лучше иди вперёд, чтобы он радовался вместе с тобой. Он ведь всё ещё здесь, – она дотронулась указательным пальцем до моей груди, – и здесь, – она дотронулась так же и до головы. Я невольно улыбнулся. – Ну вот, так-то лучше! – заключила Света, у которой в глазах стояли слёзы. – Ну, а теперь твоя очередь...

Я ей рассказал всё: о восставших, о себе, о нашей группе, о долгих неделях выживания, о том, о цене моего выживания. Не знаю «зачем», но мне просто хотелось выгрузить всё это из головы.

Весь рассказ Света молчала, лишь слегка меняясь в лице. По ходу рассказа некоторые детали я упустил, но, в целом, рассказал всё.

После завершения, Света задумалась, а через несколько минут она, наконец, нарушила тишину:

– Я не ошиблась, решив подобрать тебя. У тебя история... очень печальная. Такая самоотверженность... хотела бы я пообщаться с твоим другом. Неудивительно, что ты... в общем, не позавидуешь, – Света снова замолчала.

Я не знал что на это ответить. Её слова как будто укололи меня где-то внутри. Я прекрасно помнил, какую цену заплатил Павлов, и свою вину в этом – и от её слов стало хуже.

– Так, а куда вы направляетесь? – я решил в этот раз первому нарушить молчание.

– Сначала в Номир. Мы все оттуда, – ответила Света, а потом повернулась: – Всех эвакуировали, но всё равно – я хочу увидеть всё сама. Потом, раз там база, поедем в Кантис.

– Лучше не надо обратно в Номир – это мёртвый город.

– Я понимаю, но, всё равно, хочу сама всё увидеть... – тихо ответила Света.

Я отвернулся и посмотрел в окно: яркий и холодный диск светил даже не своим светом, поэтому и тепла никакого.

«Какой толк от холодного света, если он не может согреть теплом жизнь?» – пронеслось в голове.

Деревья ещё больше усложняли задачу – их кроны, словно колонны храма, держали неба. Или, словно копыеносцы короля, охраняли лунный покой, чтобы никто лишний не мог её потревожить.

– Не самое лучшее место для экскурсий, – добавил я.

– Выбирать не приходится, когда нужно узнать судьбу своих родных, – сказала Света, и вздохнула. – Ладно, мы заговорились... Утром поедем, может быть ещё выходить придётся – так что, ложись спать.

– А далеко ещё? – спросил я.

– Удивительно, как ты вообще так далеко оказался... почти до Грима дошёл.

– Грима? – повторил я. «Быть не может». – То есть, нам ехать обратно ещё несколько дней?

– Если бы... Теперь, после того, что ты рассказал, путь будет длиннее: придётся ехать в объезд городов. На это уйдёт неделя – минимум. Поспи лучше.

Света укуталась удобнее в одеяло:

– Я тебе серьёзно говорю, поспи – может, потом не будет шанса. Ты мне как рассказал – я теперь не уверена ни в чём. Возьми куртку в другом конце, под лавкой, потеплее будет.

Я подвинулся ближе к выходу, пощупал рукой – действительно, под лавкой, в свёрток, была сложена куртка. Старая, широкая куртка пахла сыростью и была в засохшей чёрной краске, от чего тяжело мялась. Кое-как, я укрылся, подложив пустой рюкзак под голову.

* * *

— Подъём, – мягко сказал женский голос. Нехотя, я открыл глаза. Уже было утро, и чертовски холодное. Мы всё так же стояли. Света усмехнулась: – Я думала, что ты выспался за полтора дня.

Я ничего не ответил.

– Пойдём, с остальными познакомлю, – она откинула одеяло и потянулась. – Ты же ещё, наверное, ничего не ел. В общем, идём.

Света встала, открыла дверь и вышла:

– Мишу ты уже знаешь, а Лёша – это мой парень. Ты только меня не обижай, и всё будет в порядке, – я с опаской посмотрел на неё. Света усмехнулась: – Да это шутка. Не волнуйся. Я не никому не дам тебя в обиду. Только накинь куртку – там холодно.

Я схватил куртку с лавки, натянул её и вышел следом. В лицо ударил холодный ветер. Казалось, две куртки совсем не спасают: ветер свободно гулял по всему лабиринту рукавов, жёстко и неприятно «лаская» даже сквозь водолазку.

– Бр-р, – я съёжился и обхватил себя, в попытке как-нибудь замкнуть цепь. На улице заметно похолодало. Мы стояли на обочине. Дорога была абсолютно пустая.

С улицы микроавтобус казался ещё меньше, но всё равно внушал доверие, несмотря на свои габариты.

– Нравится? – спросила Света. – Моя девочка. Сама выбирала.

– Любишь машины?

– Многие девчонки играли в куклы, а я восхищалась машинами, – в её глазах словно разгорелся огонь. – Это ведь искусственная жизнь! И её создали люди! Представь, она же весит несколько тонн – и механическое сердце заставляет её ехать. По сути, мы те же машины – просто функций больше, и ещё не факт, что нами кто-то не управляет. Да-а, это же самое наглядное будущее, – света похлопала по металлической двери.

Она остановилась у двери в салон. Света открыла дверь, но ничего больше не делала.

– Света?.. Что?.. Закрой дверь – холодно... – тихим голосом сказал темнокожий парень, укутавшийся в одеяло. – Ты чего не с этим?

Меня неприятно укололо его «с этим» – будто я какой-то псих.

– У «этого» имя есть, и не волнуйся – он со мной. А ты, цыган – проснись и пой. Иди умывайся, скоро поедem.

– Сама ты цыган. Сколько раз ту рипит: айм нот цыган – я негроид с русской национальностью... – Миша медленно встал и сонно посмотрел на меня: – Он с нами поедет?

– Не «он», а «Костя». И да, поедет, – твёрдо сказала Света. – А у тебя возражения есть?

Миша растерянно несколько секунд смотрел на неё, а затем как будто сфокусировался:

– А? Что? Сорри, отвлекся... У меня? У меня-то ничего, бат, мейби, Лёша что-то скажет – ты его спрашивала?

– Насчёт этого не волнуйся – с этим разберёмся, – ответила Света. – Ты будешь вылезать, или как? Нам ещё поесть надо.

– Поесть... – тихо повторил Миша, пародируя Свету. Он съёжился, откидывая одеяло, взял бутылку воды из-под ног и вылез. – Нид ту пи...

– Тебе не нужно? – спросила меня Света. – Потом остановок не будет.

– Чуть позже, – ответил я. Конечно, я немного хотел в туалет, но больше хотелось есть. Да и лучше одному потом сходить.

– Давай, залезай. Я после тебя, – сказала Света.

– Нет, – ответил я, немного отходя.

Света строго посмотрела на меня, но затем полезла в кабину. Я залез следом и закрыл дверь. На меня уставился ещё один парень: он был крепким, высоким. Смотрел он на меня очень внимательно, как будто обдумывал что сделать.

– А это – Лёша. Лёш, это Костя. Ну, вроде представила... – Света полезла куда-то за сидения, – где-то же здесь был...

– Запомни, – сказал Лёша, твёрдо смотря на меня, – выкинешь что-нибудь – останешься на обочине. Это я тебе обещаю.

– И ты туда же? – спросила Света.

– Я не понимаю, что я вам сделал? – спросил я, не выдерживая его взгляд и отводя глаза. – И ты, и тот, другой, так говорите, как будто я вам мешаю. Если это так, то посадите меня у ближайшего города, и больше не увидимся.

– Лично меня... – начал Лёша, поднимая рукав – там было несколько отметок, затянутых тонкой корочкой, – меня ты укусил. Я против тебя ничего не имею, но предупреждаю заранее, и церемониться с тобой не буду.

– Так, мальчики, остыньте, – сказала Света. – Лёша, хватит наезжать на ребёнка.

– Не понимаю я тебя: то отказываешь хорошим людям, то всяких таких подбираешь, – Лёша сделал особый акцент на словах «всяких таких».

– Может, потому что они не такие хорошие были? Или им не так была нужна помощь? Ты об этом не думал? – плавно проговорила Света, всё так же что-то ища за сидением. Через несколько секунд она достала небольшую сумку. – Нашла – и кто её так далеко запихнул?

– Какая разница, что я думаю, если ты не слушаешь, – тихо ответил Лёша, открывая дверь со своей стороны. – Ешьте сами, я потом поем.

– Ах, снова... – сказала Света. – Ну, куда ты?

– Пойду покурю, – ответил парень и вышел.

– Не обращай на это внимание, – сказала Света, поворачиваясь ко мне. – У нас такое бывает иногда. Та-ак, а что тут у нас из еды? Есть рыбные консервы... ещё какая-то странная колбаса, но я не знаю, можно ли её есть... Наверное, будем консервы – ты как, не против?

От вида еды у меня образовались слюни, появилось какое-то возбуждение:

– Мне бы сейчас хоть чего, – ответил я, и только потом понял что это малосвязанный бред.

– Тогда держи. У нас немного приборов, поэтому придётся есть вдвоём одной вилкой, да и мыть потом не надо много...

Меня это смутило, но постарался ответить невозмутимо:

– Как будто у меня есть выбор.

Мы начали есть в тишине. Маленькая консервная банка на двоих кончилась очень быстро, что лишь раззадорило аппетит. Пришёл Миша, он не стал открывать дверь и спросил с улицы:

– А ю дон? Тоже хочу, тут холодно жечь...

– Да, выходим! Костя, пойдём. Сейчас умоемся, и поедем, – проговорила Света, толкая меня к выходу одной рукой, а в другой держала банку консервов с вилкой.

Миша быстро залез в кабину, передавая бутылку с водой, и закрыл за нами дверь. Я только начал согреться внутри, как снова пришлось выйти на холодную улицу.

– Если хочешь в туалет, сейчас последний шанс. Потом остановок не будет, – проговорила Света.

Мы обошли кабину спереди. Лёша стоял в стороне, докуривая. Увидев нас, он ещё раз твёрдо посмотрел на Свету, а затем отошёл. Света вздохнула, отошла в другую сторону, достала вилку и выкинула банку подальше за обочину. Она открыла бутылку и обмыла вилку.

Я пошёл вниз, к кустам, чтобы сделать свои дела. После этого вернулся, Света ждала меня у машины с бутылкой в руках.

– Держи, – протянула она бутылку. Я взял и слегка обмыл руки, умылся. Вода была ледяная – казалось, будто руки отказывают. Так же оказалось, у меня было очень грязное лицо.

– Закончил? – спросила Света. Я кивнул. – Тогда пойдём.

Мы пошла обратно внутрь машины. Я сначала попытался открыть дверь в кузов, но Света взяла меня за руку:

– Поедешь с нами в кабине.

– Но там же нет места, – возразил я.

– Есть, – ответила Света. – Просто ты не знаешь.

Света открыла дверь в кабину и начала залазить внутрь:

– Миша, лезь назад. Костя с нами поедет.

– Виф ас? – спросил Миша, поправляя очки. – Пусть едет сзади, в кузове... Почему мне лезть?

– Давай без возражений. Лезь, – твёрдо сказала Света.

– Лёша, тел хёр... – но Лёша ничего не сказал. Он вообще не смотрел на нас, игнорируя. Наконец, негр сдался и недовольно проговорил: – Файн... Вечно как что-то, так Миша, энд вен ай нид эни хэлп... ох, годнес!

Недовольно бурча, Миша, всё-таки, залез назад. Мне было неловко, но, всё же, я залез внутрь.

Ни слова не говоря, Лёша завёл машину. Загудел мотор, машина, качнувшись, сдвинулась и поехала по абсолютно пустой дороге.

Через несколько часов в окна начал бить, крупными хлопьями, снег.

«Первый снег этой зимой» – подумал я.

Видимость заметно упала, ехать пришлось медленнее. Ещё через несколько часов снег перерос в метель. Света спала, слегка склонив голову на моё плечо, от чего я ещё больше стал чувствовать себя неловко. Её ровное дыхание эхом отдавалось в моей голове. Она выглядела очень спокойной. Лёша тоже заметил, как она спит. По лицу было видно, что ему есть, что сказать, но он всё так же молчал. Через несколько часов я сам захотел спать. Мы останавливались несколько раз, чтобы поесть, выйти в туалет. Заправки старались объезжать, не останавливаясь.

* * *

Поднявшаяся резкая метель продолжалась несколько дней. Прошла она так же резко, как и началась.

Почти всё время мы ехали, лишь изредка останавливаясь для еды и пополнения бака. В кузове оказались несколько канистр с бензином и ещё пару пакетов с едой, которые кончились сегодня.

Всё это время я почти ни разу не заговорил. Несколько раз Света спорила с Лёшей, так ли важно ехать в Номир или лучше сразу в Кантер, но Света стояла на своём. В остальном же, обстановка была спокойная. Миша несколько раз спрашивал у меня о Максиме, но больше нормально мы не разговаривали, несмотря на его слова что мне нужна помощь.

С неба на нас ярко светло солнце, мощно отражаясь от снежного покрывала. Полдень был в самом разгаре. Я лежал сзади, вытянув ноги, и смотрел в водительское окно: вдали, за стеной деревьев, что-то поднималось. Что-то рукотворное, человеческое.

«Город», – догадался я. Вместе с этим, внутри что-то оборвалось. Я понял, что моменты спокойствия путешествия были сочтены, а неизвестность будущего хранила множество скелетов, которые вряд ли все увидят. Вполне возможно, что рядом уже есть один из «скелетов».

«Ты ведь знаешь, что обречёшь их на смерть – зачем же мучить?» – спросил Голос.

Последние дни он начал снова появляться. Я быстро отогнал эти мысли зная, что он сам никуда не уйдёт.

Когда ты находишься в уединении, наедине с мыслями и неизмеримой скукой, время ломается, извивается, удлиняется настолько сильно, что тебе за ним никогда не угнаться. Ты лишь смиренно ползёшь позади. Медленно и неуверенно. В это моменты лучше всего понимаешь фразу: «У тебя есть время всего мира». Так сейчас я и пролежал какое-то время. Спустя, кажется, целую вечность (на деле – всего около получаса), мы оказались внутри огромного бетонного лабиринта – города.

Я не знал, что это за город – табличку на въезде полностью залепило снегом. Дорогу покрылась толстым слоем снега – ехать приходилось медленно, неуверенно, чтобы случайно не съехать в кювет.

Мы ехали как троянский конь, который тащили люди, кряхтя и обливаясь потом. Двигатель грузовика втаскивал нас, живых, в город, но сам этот город был логовом мёртвых.

«Такие слова у тебя в голове проносятся... поэзия. И ведь не подумаешь, что тебе всего шестнадцать», – сказал чужой голос.

– Кто ты? – тихо спросил я.

В уединении есть и плюсы: никто тебя не услышит, что бы ты ни сказал. Точнее, кто-то всё равно услышит – хотя бы ты сам. На заднем сидении меня было не слышно.

«Твой ангел-хранитель», – голос усмехнулся.

– Я не понимаю...

Никто не ответил. Где-то в интернете я читал, что голоса в голове – одни из самых непостоянных вещей.

Спустя неизвестно насколько растянувшееся время, машина остановилась.

– Костя, вылазь, – сказала Света, выходя из машины. – И рюкзак возьми.

Накинув куртку и схватив рюкзак, я пролез между сидений, перебираясь на передние, а затем вылез из машины. Снег, что доходил выше щиколотки, попадал в ботинки и больно морозил ноги, тут же превращаясь в холодную воду. Да и сами мои кроссовки были осенними – быстро промокнули. Пришлось идти аккуратнее.

Мы остановились посреди переулка. По бокам, стенами, стояли дома-высотки.

– Оставим пока машину здесь. Здесь и выезжать удобно, и магазин недалеко, – сказал Лёша.

– Лучше будет разделиться, – сказала Света. – Я с Мишей, а ты, – она посмотрела на Лёшу, – с Костей. Смотри, что бы с ним ничего не случилось. С вами обоими.

– Не бойся. Твой ребёнок вернётся в целости, – ответил Лёша.

Проводив взглядом Свету, он пошёл вперёд молча. Я следовал за ним. Оказалось, что лучше будет идти «нога в ногу» – то есть идти по его следам. У него были крупные ботинки, мои ноги туда попадали без проблем, и идти стало гораздо легче.

Спустя пару минут, мы стояли перед небольшими белыми дверями. Вывеска сообщала: «Добро пожаловать» – это был продуктовый магазин.

Лёша дёрнул за ручку – дверь была закрыта.

– Конечно... – недовольно сказал он. – Будем действовать другими методами...

Лёша посмотрел на меня:

– Не мешайся.

Я послушно отошёл в сторону, а он достал что-то из рюкзака, и склонился над замком. Он снял перчатки, и начал свои махинации. Несмотря на то, что мы с первых же дней брали чужое имущество, мне всё ещё было стыдно вламываться.

Через минуту возни, дверь открылась, давая доступ ко всем скрытым вещам внутри. Лёша положил свои вещи обратно, надел перчатку и взял из рюкзака фонарик. Он вошёл первым.

Внутри стоял противный запах. Даже не так. Внутри стояла смесь самых противных запахов. Тут была вонь на любой вкус: кислая, тухлая, непонятно какая. Мерзкий липкий запах прилипал внутри носа, не отпуская, от тухлого – к горлу подкатил рвотный ком.

Лёша слегка скривился, но пошёл вперёд. Он осветил зал: полки, нетронутые ни временем, ни людьми; пустые кассы (сразу нахлынули воспоминания по тому, что прежде считалось настолько обычным делом, что никто не придавал этому никакого значения). На самих же полках лежали разноцветные пачки различных круп и макарон, слегка покрытые пылью. Некоторые блестели, когда по ним случайно скользил свет. Чуть дальше были другие отделы.

– Бери с полок всё, что жрать можно. И общаемся шёпотом, – прошептал Лёша. Он пошёл дальше, а я начал быстро всё складывать в рюкзак.

Взяв несколько пачек, я заполнил весь рюкзак. На полках оставалось ещё много.

Стало заметно тяжелее и, хоть в зале и царил лёгкий сумрак, оставаться одному было страшно – я пошёл к Лёше. Он уже стоял впереди.

– В молочном и мясном не смотри – там всё, – Лёша ждал меня возле двери на склад. – Всё взял?

– Что вместилось, – ответил я.

Позади что-то упало. Я обернулся – ничего не было.

– Посвети, – сказал я, пытаясь разглядеть темноту.

С улицы внутрь задувал небольшой ветер. Вместе с ним в зал влетали, кружась, мелкие крупы поздней зимы.

– Забей. Это от ветра. Пошли, – Лёша вошёл на склад.

Коридор, который шёл вперёд, разделялся на множество ответвлений, кончаясь огромными дверями. Мы прошли, не сворачивая, до самого конца. Внутри оказалась большая куча коробок.

– Стой на шухере, – Лёша прошёл вперёд, а я остался у входа. Идти внутрь совсем не хотелось.

Внезапно, коробки посыпались. Тишину разрезали мычание и стоны.

– Что за?.. – сказал где-то вдалеке Лёша. Я бросился вперёд, но сразу же последовал крик и слова: – Блять, снимите с меня это!

И ещё один крик, который почти сразу захлебнулся. Когда я подбежал, то увидел, в свете маленького фонарика, как на полу, среди коробок, лежал Лёша. Верхнюю часть завалило коробками, а живот был вспорот и рядом сидел восставший, копавшийся там и поедая внутренности. Я отшатнулся. По телу прошёлся неприятный холодок, чуть не стошнило. Я поспешно закрыл рот рукой.

Лёша смотрел на меня, как будто не понимая что происходит. Он тяжело дышал и сильно стонал.

– Что это за... мелкий, что там?.. Помогите... – он пытался махать свободной рукой, но это несильно удавалось. Я попятился назад. Я не мог оторвать от него глаз. Коробки зашевелились, затем Лёша снова истошно закричал, но ненадолго – другой восставший впился ему в глотку, отрывая от неё куски. Лёша из последних сил повернулся ко мне, и застыл: в его глазах больше не было жизни.

Я развернулся и бросился к выходу, но споткнулся посреди коридора и упал, больно ударившись коленкой.

– Агх, – вырвался стон. Позади послышался грохот и возня. Мычание приближалось. Сделав волевое усилие, сквозь стон, я встал и побежал, прихрамывая, к выходу.

В зале тоже уже было не так пусто: двое восставших двигались ко мне. Я побежал в сторону от них, и, пробежав весь зал, вылетел на улицу. Я задыхался. Грудь всё ещё болела, а воздух был каким-то тяжёлым, густым, как сироп.

Я быстро свернул в сторону и пробежал несколько переулков. Восставшие выли где-то позади, но я знал, что они идут за мной. По сугробам было тяжело бежать, я постоянно спотыкался, руки горели от холода. Наконец, я добежал до нужного переулка.

У машины стояла Света. Она курила. Увидев меня, бегущего, хромающего и измученного, она сразу же бросилась навстречу:

– Машину... – я пытался кричать, но это не удавалось. Кажется, она поняла, и побежала к водительскому месту.

Я пулей влетел в кабину и захлопнул за собой дверь.

– А где... Где Лёша? – только сейчас спросила Света. В её глазах была тревога.

– Он... он... – слова застревали в горле.

Миша тоже уставился на меня с задних сидений. Я не знал как сказать.

– Вот хэппенд? – спросил Миша почти в истерике.

Это был их друг. А я пришёл один.

– Надо ехать... – сказал я наконец.

Света непонимающе посмотрела на меня.

– Говорю же, надо ехать! – крикнул я. – Там...

– Энсер! – сказал Миша. Он начал вылезать. – Где Лёша?!

– Уезжаем! – крикнул я, пытаясь посмотреть назад – восставших ещё не было. Говорить было тяжело – я всё ещё не мог отдышаться.

– Я никуда не поед... – начала говорить Света.

– Он умер! – резко сказал я. – Восставшие... они... – я сделал паузу. Вдох, выдох. – И сейчас... поехали! Они сюда... идут сюда!

– Как... – тихо сказала Света. Слеза прокатилась по её щеке. Она тупо посмотрела на меня, затем на Мишу. – Надо...

В пространстве послышался крик вдалеке. Резкий, как будто кто-то разрезал воздух ножом – это был крикун.

– Что это? – спросила Света.

– Поехали! ПОЕХАЛИ! – начал я. – Они... они собираются, вы не слышите?! Надо ехать!

Прошу!

Следом прозвучал ещё один крик, но уже ближе.

– Нет, нам... – Миша полез к двери. – Нам надо похоронить его.

Света мощно пихнула его обратно.

– Ай, Света! – простонал Миша.

– Нет! – громко крикнула она, и завела машину. На щеках её стояли слёзы. – Ты слышал их. Мы не можем пойти. Не сейчас.

– Но Свет... – начал Миша.

– Нам надо ехать. Уже нечего хоронить, – ответила она, вытирая слёзы, и пустила машину на полный ход.

Никто больше не сказал ни слова.

Восставшие вылезли из переулка, как мы уже были в конце улицы.

– Что произошло? – спросил Миша.

– Там... – начал я. У меня было состояние, будто в трансе. – Мы шли через зал. Ничего не было. Мы пошли на склад... Лёша сказал постоять на выходе. Потом... потом... из ниоткуда... крик, он... они... и потом я побежал.

Руки дрожали.

– Как вы их не увидели? Как их можно было не увидеть?! – кричал Миша.

– Миша, успокойся, – тихо сказала Света.

– Хи... хи ис лаин, Света!

– Их не было, – сказал я, смотря в окно. Я не мог смотреть на них. – Они... они как будто ждали нас и прятались.

– Что? – спросила Света. – Что ты сказал?

– Я не знаю. Но они как будто ждали в коробках.

– Как такое может быть?... Стоп... Почему ты не рассказал об этом?

– Я не знал. Я не знал что они так умеют делать.

– А крики эти... это что?

– Это крикуны. Я же говорил – кто-то из них может делать громкий крик, и тогда они быстро собираются... Простите меня. Пожалуйста. Я... если хотите, я уйду. Я честно – я не хотел. Но я не мог. Я не мог ничего сделать.

– Нет. Хватит с меня на сегодня жертв, – ответила Света. – Мне... мне надо это обдумать.

На заднем сидении тихо заплакал Миша.

Весь оставшийся день у меня в голове была лишь одна картина: как в последний раз посмотрел на меня Лёша. Его мёртвые глаза как будто корили меня за то, что я ничего не смог сделать.

«Моя ошибка стала его смертью. Я должен был пойти с ним. Должен был что-то сделать. Должен был. А я просто смотрел... смотрел на то, как они его убивают. Как мне теперь смотреть им в глаза?»

«Я же говорил. А это только начало. Ты ещё увидишь, если и дальше будешь сопротивляться», – сказал Голос.

День 92

— Аккуратнее... давай сюда... Да, – Света ползла впереди.

– Нам точно сюда? – спросил Миша жалобным голосом. Он остановился.

– Да что ты ноешь? – гневно прошипела Света. – Испугался что ли?! – она сердито повернулась и посмотрела на него. Миша продолжил ползти.

Я полз позади всех. Наконец, мы выбрались из вентиляционной шахты.

– Здесь посвети... – сказала Света, и я направил туда свет фонарика. Она открыла небольшой ящичек и достала маленькую оранжевую коробочку: – Аптечка.

Здесь было подозрительно тихо. Тишина даже как-то успокаивала, будто всё ненастоящее. Будто толпы мёртвых бывших людей где-то позади нас – просто сон. Но неприятный холодок прошёлся по спине. Что-то меня настораживало.

Коридор... Нескончаемый коридор с бесконечными боковыми деревянными дверями. Где-то вдалеке, впервые, послышался посторонний шум – пронзительный крик. Он пробирал до самых костей, где те резонировали, заставляя тело дрожать. Света тоже насторожилась, а Миша и вовсе побледнел – это выглядело довольно жутко.

– Что это было? – спросила Света.

– Свет, лети гет аут оф хиа... Что-то тут нечисто, – Миша отступил на шаг назад.

– Подо... – новый крик прервал Свету – он был сильнее, громче, ближе. – Валим!

Мы развернулись и принялись бежать, но это была невероятная задача – вокруг не было света, а на полу везде валялся какой-то мусор. Фонарик куда-то исчез. Даже рук не было видно.

Я споткнулся и пролетел пару метров носов вперёд, раздирая лицо до крови. Света и Миша убежали вперёд. Я лежал на груди метала, и она больно впивалась в тело.

– Не сбежишь. Воскликнул хрипящий голос за спиной. Холодная, стальная хватка сжала ногу. Я сделал последнее движение, понимая, что дело моё плохо – перевернулся и нащупал рукой что-то продолговатое: фонарик. Нужно было, хотя бы, увидеть то, что за мной гналось – последнее желание.

В слабом луче света, возникло худое лицо с мёртвыми белыми глазами. В открытых гнилых ранах на щеках копошились черви – в некоторых местах даже из-под кожи торчали тёмные кости. Это был Лёша. Кожа на шее его была разорвана.

– Не сбежишь... – сказал он со свистом в голосе, а затем замахнулся и вонзил свою руку прямо мне в грудь...

* * *

— А-а! – крикнул я, и сразу же понял, что это был всего лишь сон. В груди бешено стучало сердце. По телу, тяжёлыми холодными каплями, стекал пот. Я постарался перевести дух, успокоиться. В окно можно было увидеть то, как утренний свет нового дня начинал медленно пробиваться сквозь темноту прошедшей ночи – она нехотя отступала.

Почти каждую ночь один и тот же сон...

«Как же надоело», – я сидел и испытывал злость из-за собственного бессилия. Мне было горько от вины, но при этом я не знал что сделать чтобы избавиться от этого.

Тело затекло и отдавало неприятной покалывающей болью при движении. Даже было каким-то деревянным. Света тихо спала на задних сидениях. Даже во сне лицо её было каким-то напряжённым. Вчера мы удачно выбрались в соседнюю деревню. За последние дни она сильно извелась, с тех пор, как с Мишей стало происходить что-то неладное – его уже два дня не было видно.

«Ты же знаешь, что пока ты рядом с другими людьми – их жизнь предопределена», – сказал Голос. Уже пару дней я его не слышал.

– Заткнись, – зло шепнул я, но Голос не ответил.

Около недели, как мы стали жить в деревне с другими выжившими. Света говорила, что эта деревня находится посередине между Владимирском и Номиром. Мы наткнулись на них совсем случайно. Сначала в машине что-то сломалось, и мы ехали два дня очень медленно. По счастливой случайности, рядом проезжала машина из этой деревни. Они очень удивились, увидев нас, и согласились помочь. Выяснилось, что заело какой-то клапан в движке, а разобрать получится только у них в деревне. Остальные тоже очень удивлённо нас рассматривали, когда мы приехали. Двигатель нам починили почти сразу, но как-то так получилось, что мы остались до сих пор. С тех пор мы здесь и остались. Мне нравилось снова быть в окружении людей, чувствовалась безопасность, но Света постоянно хотела уехать. Ей не нравится старейшина этой деревни. Она постоянно говорит о том, как лучше быть уехать отсюда, но всё никак не соберётся. За неделю меня это так достало, что даже думаю остаться здесь, если она с Олегом уедет.

В лёгком сумраке проскользнуло несколько силуэтов. По спокойному движению, сразу узнал в них местных – они шли на утреннюю службу.

Спать совсем не хотелось, и я решил пойти за ними. Свете, в частности, очень не нравились эти службы. Чтобы она снова меня не отчитывала, я тихо выбрался, аккуратно прикрыл дверь и пошёл за местными в «храм», в самый центр деревни. Сложно было назвать это обычным храмом: с виду он не отличался от старых деревянных бревенчатых домов, которых много ещё осталось в деревнях и небольших городах.

Улица обдала меня потоком холодного ветра. С непривычки он больно обдувал лицо, и пробивал насквозь. Я прикрылся шарфом, который мне дал один из жителей, и пошёл дальше.

На подъездах к деревне стояло много заброшенных машин, которые были аккуратно поставлены как преграда. Несколько жителей мне ответили, что так и было до их прихода.

«Когда мы собрались – тут уже так всё и было» – примерно так и отвечали. Вообще, жители неохотно шли на разговор и старались побыстрее уйти.

На входе мне кивнул крупный мужчина и открыл дверь. Я прошёл внутрь, и сел на один из стульев у входа. Все садились вперёд, на первые ряды стульев, но я не очень хотел привлекать к себе внимание, поэтому сел у самой стены.

Здесь собрались почти все местные: около двадцати человек. Я слышал, что сюда приходят каждое утро все кто может – кроме тех, у кого дежурство.

В самом конце комнаты, перед скамейками, стояла самодельная, криво сделанная, деревянная трибуна. Там, в тени, стоял невысокий мужчина в чёрном балахоне – Старейшина. Он, видимо, готовился к утренней речи. Люди впереди перешёптывались.

В окна, что были позади трибуны, медленно, словно ленивый паук, начало проникать утреннее яркое солнце. Позади этого дома не было ничего, кроме огромного заснеженного поля, поэтому свет лился внутрь всюду.

– Пора... – громко сказал Старейшина, и встал за трибуну. Шёпот резко оборвался. – Друзья мои, товарищи, братья, сёстры *salve!* *Salve, parochiani!*

Все люди, будто по команде, встали, приложили руку к груди и громко ответили:

– *Salve! Diu vivere Deo!*

Я смущенно забился в угол. Люди сели и пристально уставились на Старейшину. Прихожане выглядели истощёнными, бледными, но на лицах было полнейшее удовольствие. Сейчас это было заметно лучше всего.

– Отлично! Отлично! – сказал, улыбаясь, Старейшина. Он выглядел на порядок здоровее остальных, даже был немного полноват. На лице была ещё небольшая борода. – Надеюсь, все

сегодня хорошо спали, и готовы нести крест нового дня во имя всеобщей помощи и Господа нашего? – Старейшина вознёс руки над головой.

– Amen! – громко сказали прихожане и захлопали.

Старейшина жестом остановил овации.

– Вижу, среди нас появился новый человек. Новая душа ищет спасения, – он сложил руки на груди, смотря на меня. А потом отвернулся: – Отлично! Замечательно! Давайте поведем ему наши заповеди и правила «вознесённой» жизни! Ну же, кто? – Старейшина спустился к рядам стульев, и пошёл в мою сторону. Он быстро осматривал весь зал. Все люди поднимали руки, желая выступить. Мне стало как-то совсем не по себе, но уходить было уже поздно. Наконец, его взгляд остановился на мужчине с залысынами.

– Петя, давай ты, – сказал Старейшина. Мужчина встал и повернулся ко мне – это был невысокий тощий мужчина средних лет.

– Какие наши главные враги? – спросил Старейшина. Всё взгляды теперь были устремлены на меня, от чего я чувствовал себя неловко ещё больше, как загнанный в угол зверь.

– Наши враги – это мы сами! – с силой продекламировал мужчина.

– Прекрасно, – с удовольствием отметил Старейшина, – а что же конкретно?

– Самый главный враг – наша всепоглощающая, уничтожающая всё, гордыня!

– Верно, – подтвердил Старейшина. – Дальше.

– Наша безмерная алчность, вечная жадность до большего, – в глазах мужчины загорелся какой-то внутренний огонь. Его слова обжигали меня, разжигая что-то внутри. Что-то внутри откликалось на его слова.

– Именно, – сказал Старейшина. – И что ещё?

– И наша чудовищная зависть, что толкает против Бога, себя и общества.

– Замечательно, – заключил Старейшина, расплываясь в улыбке. – А же нам даёт гнев?

– Гнев даёт нам силы. Гнев – это необходимое зло. Только огнём наших душ мы сможем отчистить всю скверну этого мира, – было видно даже, как мужчину немного трясёт.

– Именно так, – сказал Старейшина. – Только гнев сможет нам помочь в борьбе с нашими пороками и ленью, которая стала непозволительной роскошью. Садись, Петя, ты сегодня у нас молодец.

Мужчина, улыбаясь, сел обратно. Старейшина снова поднялся к трибуне.

– Всё верно. Библия говорит нам: смертные грехи – это гордыня, алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие и уныние. Но мне было дано виденье! Я научил вас обращать грех против греха, что бы вы могли быстрее идти к цели, что была указана свыше!

– Amen! – прокричали люди. Некоторые голоса выделялись на фоне остальных. Петя был одним из них.

– Посмотрите, до чего же дошли люди! Посмотрите, до чего мы дошли, стремясь к Дьяволу! Теперь многие из нас просто сосуды для его демонов! Демонов чревоугодия! Они ходят по святой земле и пожирают души наши, делая новые сосуды для греха! Бог видел это, и послал мне виденье! Он дал мне виденье о том, что будет, и как нужно жить, чтобы заслужить прощение!

– Amen!

– Братья и сёстры, Бог сказал мне: «Веди их, ибо они не ведают, что творят, и даю я тебе право на зло, иначе они не смогут!»! Бог милосерден!

– Amen! – люди подняли руки. Начался всеобщий гул.

– Он сжалился над нами! Даже сейчас, когда мы настолько от него отвернулись! Все мы – дети его!

– Amen!

Старейшина сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух. Зал наполнился какой-то странной энергией. Стало даже как-то светлее. Волна людских эмоций была такая сильная, что, казалось, я начал тонуть. Руки поднялись сами по себе и начали двигаться во всеобщий такт.

– Поэтому, братья и сёстры, не нужно огорчать отца нашего! Нужно жить его словом, и стремиться к высшему, помогая братьям и сёстрам нашим павшим – избавлять их от страданий!

– Амен! – я кричал уже наравне со всеми.

– А теперь, – Старейшина говорил уже заметно тише, – помолимся.

Всеобщий гул резко оборвался, и люди склонили головы, взявшись за руки. Еле слышно была слышна их молитва. Смутившись, я убрал руки. Волна, которая до этого лишь нарастала, вдруг оборвалась во мне.

Спустя минуту Старейшина открыл глаза.

– А теперь, *ragochiani*, идите в новый день достойно.

– Амен! – громко прокричали прихожане и стали вставать со своих мест, собираясь уходить. Все они будто светились изнутри. Меня это завораживало.

Старейшина подошёл ко мне, сел рядом, положил левую руку мне на плечо.

– Костя, ты, надеюсь, никуда не спешишь? – спросил он мягко.

– Нет, – растерялся я.

Я поднялся голову. В его глазах был какой-то магический ясный свет знания.

– Пойдём со мной, – сказал Старейшина и пошёл вперёд, в сторону трибуны. Я пошёл следом.

Возле трибуны оказалась тёмная, едва заметная, дверь. Старейшина достал из-за кофты цепочку с ключом, снял её с шеи и открыл дверь, проходя внутрь. Комната внутри была маленькой, но хорошо обставленной: вдоль левой стены стояли пару столиков, набитых разными мелкими вещами, а над ними висел большой ковёр с изображением оленей. Возле окна стоял стол из толстого красного дерева и такой же роскошный стул, а вдоль стены справа стоял большой бордовый шкаф. Рядом, в уголке, совсем не вписываясь, старенькое ободранное кресло.

Старейшина прошёл за стол и сел. Он откинулся на спинку и посмотрел в окно.

– Эх, красотища, – вздохнул Старейшина, и повернулся ко мне: – Чего стоишь? Не стесняйся, проходи, – он жестом показал на кресло. Я послушно сел. – Что ты думаешь о нашей общине? Костя, верно?

В ответ я кивнул и присел.

– Не знаю, – замялся я.

– Ну же, не стесняйся. Я же есть тебя не буду, – Старейшина улыбнулся. – Нравится тебе у нас?

– Да, – сказал я неуверенно. Я следил за руками, чтобы лишний раз не выдать волнение. Сейчас мне всё это казалось очень важным.

– Хорошо... хорошо. Значит, хочешь остаться... – Старейшина говорил плавно и мягко. – Вместе ведь лучше. Да и только вместе мы сможем создать лучшую жизнь, как считаешь? Как одна большая семья. Хочешь ведь жить в мире и спокойствии, да? Не ожидая этих демонов за каждым углом? – он внимательно посмотрел на меня, ожидая ответа.

Я отвёл глаза:

– Да.

– Скажи, а почему ты хочешь этого?

– Хочу, чтобы больше мои друзья не умирали, – тихо сказал я. – Чтобы все были счастливы, и всё.

– Отличное желание, – улыбнулся Старейшина. – Все мы здесь хотим, чтобы остальные были счастливы, поэтому и заботимся о ближнем так, словно это родной брат или сестра. Ведь все мы перед Богом равны, ты знаешь? Да... все мы – лишь его творения.

Старейшина отвернулся к окну.

– Ты очень добрый мальчик, Костя. – сказал он. – Не знаю даже, стоит ли... ладно. Ты сможешь мне?

– А в чём вам нужна помощь?

– Дело в том, что до вашего приезда мне было провидение. Всевышний сказал мне во сне: «Вскоре к тебе придут блудные дети мои. Среди них будет мальчик – веди его, обучи слову моему. Станет он тебе великим помощником и другом» – такие были его слова.

Я застыл.

«Неужели, это про меня?»

На миг, мне показалось, что кто-то стучит из-под пола, но лишь на секунду.

– И этот мальчик – ты, Костя, – продолжил Старейшина, не обращая внимания на звук. – Я отчаянно прошу твоей помощи, любой другой не сможет мне помочь... Ты сможешь мне?

Его слова грузом навалились на меня. У меня не оставалось выбора.

– Я постараюсь. А в чём вам нужна помощь?

– Неделю назад, когда я предложил присоединиться к нам, твоя подруга отказала мне. Я умолял её, ведь вместе мы сильнее, ведь нельзя сейчас рисковать любой жизнью... Она отказалась, смеялась над Словом Божьим. Но Господь дал мне миссию спасти вас, и я не могу отступить. Помогите мне, Костя. Убедите её остаться, чтобы вместе мы смогли добиться прощения Господа. Мне кажется, что никто другой не сможет на неё повлиять кроме тебя. Я видел, как вы общаетесь. Ты близок ей. Я знаю, она планирует уезжать, но ты ведь не хочешь, да? – Старейшина внимательно посмотрел на меня.

– Нет, я не... не хочу, – я говорил уже твёрже. Его слова подействовали очень убедительно. Я должен ему помочь, особенно если так велел Бог.

Я всегда хотел узнать своё предназначение, и вот оно. Это был шанс, который нельзя упускать. Нужно было помочь Свете, и Олегу. Она должна меня послушать.

– Иди же. Спаси её от собственной глупости. Я верю в тебя.

Я встал и вышел из комнаты. Нужно было срочно найти Свету пока ещё не поздно. Нам ещё можно было спастись, но бежать было незачем.

«Уверен, она обрадуется, когда я ей всё расскажу», – подумал я, выходя на холодную улицу.

Прошло всего несколько дней, а я уже снова привык к тому, что рядом могут ходить живые люди.

С надеждой, я побежал к нашему грузовику, но он был закрыт. В окно никого не было видно. Кузов тоже оказался закрыт.

«Ну уж нет», – подумал я. Нужно было их найти сейчас, пока чего не случилось.

Я начал спрашивать у местных, не видели ли они кого. «Нет, не видел», – отвечали мне, я пошёл дальше.

К полудню заметно потеплело. Я стоял на центральной площади, не зная куда идти.

Вдруг, ко мне подошёл один из жителей деревни – местных чудак. В отличие от других жителей, он нормально отвечал и часто со мной говорил. Поэтому и чудак, хотя он и был здесь самым нормальным, только очень нервным. Это он дал мне шарф и тёплое пальто, которым я укрывался по ночам. Его звали Женя. Внешне он был совсем неприметный: круглые небольшие очки, кудрявые волосы на голове, невысокий рост и доброе лицо. Единственное то, о чём он не хотел рассказывать – о своём прошлом. О том, как попал сюда.

– Салют, – сказал он и подал руку для рукопожатия. Мне было немного не по себе от его бегающего взгляда. – Как твоё молодое ничего?

Я подал руку в ответ.

– Такое же, как и раньше – не особо, как у всех, – ответил я сухо.

– Вижу, ты, наконец, шарф начал носить – это правильно, да. Сейчас ведь как? Болеть вообще не вариант. Вообще... Лечить-то некому... Только на Бога и надеемся, да. А сами ничего сделать не может, – Женя нервно усмехнулся и обернулся. Он выглядел немного нелепо в своей шапке-ушанке вместе с чёрным толстым зимним пальто. – Ты какой-то бледный – замёрз?

– Да нет, всё нормально. Ты, случаем, не видел Свету?

– Свету? Вашу, что ли? – Женя посмотрел по сторонам. – Вроде видел... Да, недавно совсем, ага. С вашим «негром» шла – он вообще какой-то неадекватный был: еле шёл, вырывался, матом ругался. Да... да.

– А куда? – при этом у меня треснула обветрившаяся губа и пошла кровь.

– О-о, – протянул Женя. – Тебе мазь надо. У меня, вроде, была помада специальная... поискать надо.

– Не надо. Само заживёт. Ты лучше скажи, куда они пошли.

– А-а, да... В самый край деревни пошли, где дома ещё заколоченные стоят... Рядом с лесом. Понял, да?

– Да, – ответил я, собираясь уходить. – Я побегу. Надо поскорее с ней встретиться.

– А что у тебя за дело? Может, помощь нужна? – крикнул он вдогонку.

– Не надо, спасибо. Я сам, – ответил я и быстрым шагом направился в нужное место.

На пути встретилось несколько брошенных домов. Чем-то они напоминали восставших: их разбитые окна были пустыми глазницами мертвецов, а крыша – дырявой головой. От них веяло какой-то тоской и грустью. Они являли собой картину нынешнего мира: пустого, убивающего и бесконечно грустного.

Это мне напомнило то, как несколько дней назад я забрёл в дом на другом краю деревни. Внутри, на полу, везде была разбрызгана кровь, валялись останки тёмной ткани, но никого не было. Ни восставших, ни просто трупов – это как-то пугало. Но это случилось давно, так как кровь там просто примёрзла к полу.

Зашёл в два последних дома – пусто. В доме напротив кто-то говорил. Я встал возле окна, прислушиваясь. Внутри шёл спор.

– Миша, – сказала Света, – пойдём, блять. Нам надо уезжать.

– Никуда, слышишь? Никуда я не пойду. Вай? Вай а ви файтинг? – Миша говорил тихо и несвязно.

– Давай потом, а? Нам надо валить отсюда, и как можно быстрее, – сказала Света твёрдо. – Надо валить, пока можем. Что-то здесь нечисто.

– Что здесь может быть нечисто? – Миша расхохотался. – Что-о?

– Я не знаю. Но люди здесь какие-то странные. И этот Старейшина. Позавчера, вот, у нас патроны пропали – и ничего. Куда они делись?.. Да вставай ты, блять! Если о себе не можешь подумать, то подумай обо мне, о Косте.

– Зачем-ем? – тихо протянул он. – Зачем мы пытаемся выжить, убегая, если всё равно, в итоге, умрём? Света... ты ведь помнишь Лёшу, да?.. Не забыла ведь ещё? Вспомни, что именно он нас поддерживал всё время... на нём всё держалось. Энд нау?.. Да тебе плевать! И всегда было! Это он меня спасал от толпы пьяных гопников, а потом страдал от полученного перелома. Это он мне был как старший брат. Да... тебе плевать, как тогда, когда ты не разрешила пожилой паре ехать с нами. Ты знала, что они умрут, но не пустила их, а ведь Лёша уговаривал тебя, но ты же «лёд». «Ледяная королева» – правильно о тебе говорили в университете... Тебе на всех плевать. Не знаю, почему ты так носишься с этим поехавшим, а хотя... тебе и на него плевать, я знаю. Не знаю «зачем», бат ай донт кеа. Видимо, это правда, что он мне рассказывал, что ты без его согласия сделала аборт... И что он в тебе нашёл... тьфу!

Я не понимал, о чём говорит Миша.

«Какая пара? Что сделала Света? – проносились вопросы в голове. – Неужели, она бросила людей на смерть?»

– Миша, ты так хочешь сдохнуть или что? – спросила Света. В голосе её чувствовалась злорада. – Если ты продолжишь, то мы больше не увидимся... Послушай, я понимаю какие у вас были отношения. Я понимаю, что ты винишь меня за то, что мы не пошли за Лёшей. Но ты ведь сам слышал их. Мы не могли просто взять и вернуться. Я не хочу терять ещё и тебя...

– Вали! – взвыл Миша. – Вали, оставляй!

Я нечаянно чихнул.

– Кто здесь? – послышался железный шелчок предохранителя.

– Это я! Я! – я быстро вошёл внутрь, и поднял руки вверх.

Света с силой выдохнула и, переключила предохранитель и убрала пистолет за пояс. Миша лежал на полу, рядом валялось несколько пустых бутылок.

– Напугал... – с облегчением сказала Света.

– Неужели без оружия никак? Вряд ли восставшие вообще чихают.

– Всякие тут ходят. Лучше быть настоroje, чем мёртвой, – Света повернулась ко мне. – Ты чего здесь делаешь?

– Поговорить хотел, – я не отводил взгляда с Миши. Он лежал на грязной тряпке прямо на полу. Рядом лежало какое-то потрёпанное одеяло. Его взгляд был направлен в одну точку на полу.

«Как можно тут спать? Здесь же холодно, грязно... В углу даже снег лежит», – подумал я.

– Пойдём. С этим телом сейчас ничего не поделаешь, – Света встала и повернулась к выходу. – Чмо бухое, – сказала она с презрением. Миша что-то простонал невнятное в ответ.

Мы вышли на улицу.

– О чём хотел поговорить? – спросила Света, закуривая. Несколько дней назад она начала курить.

– Снова?.. – спросил я, но не договорил.

– Не твоё дело. Не дорос ещё, чтобы указывать, – грубо отрезала Света. Продолжать эту тему мне не хотелось. Она выдохнула в сторону тяжёлый серый дым: – Так, что ты хотел?

– Света, нам надо остаться, – твёрдо сказал я.

– С чего бы это?

– Потому что... – я замаялся, зная, что Света не поверит мне. Но другого ничего не придумал: – Потому что так надо. Это наша судьба.

– Тебя «этот» надоумил? Подожди... Не говори, что ты тоже теперь этот, фанатик.

Я растерялся. Не такого разговора я ожидал. Совсем не такого. В голове всё было проще и легче. Возникла пауза. Света тихо вдыхала табачный яд, чтобы выдохнуть его переработанное облако.

– Ну... Нам ведь лучше будет с ними, разве нет? Здесь можно жить, а потом и выращивать продукты... вместе же больше шансов, – сказал я неуверенно и медленно, будто сам не верил тому, о чём говорю.

– Ясно. «Священник» и тебе голову промыл...

– Ничего он не промыл! – запротестовал я.

– Послушай, никакого бога нет. Никакой судьбы не существует, – начала раздражённо Света и бросила окурок в сторону. – Костя, ты ещё не совсем понимаешь, как здесь всё устроено, а у меня сейчас нет желания всё объяснять, но нет никого бога, и никогда не было. Зато демоны есть, и это мы сами – люди... – Света остановилась, подумала несколько секунд, а затем продолжила: – Ладно, раз уж начала. «С волками жить – по-волчьи жить» – знаешь такую поговорку? – я кивнул. – Ну так вот, в этом мире, как и раньше было, так и осталось: либо ты, либо тебя. Иного не дано. Некоторые люди не могут этого понять, и поэтому ими можно легко манипулировать, используя для себя. Они не могут смириться с простой истиной джун-

глей, где выживает сильнейший. Эти глупые люди не могут смириться с ответственностью за свою жизнь и решения – вот для них и придумывают разные сказки более хитрые люди, чтобы нажиться на этой глупости. И эта «Новая вера» – не исключение. Возможно, есть в этом плюсы, но минусы какие? Посмотри на людей. Они, может, выглядят счастливо, но они сыты? Да они все дохлые, полугруппы какие-то. Зато этот Старейшина выглядит очень здоровым. Ты видел как остальные живут? Нет? А я вот видела: грязь, холод, голод. Они же всё тянут этому мужику. Ты видел, как они смотрят на него? Как на него молятся? Это чистая секта, Костя. Секты и раньше существовали, и ничем, между собой, они не отличаются. Если у людей есть спрос на веру, то найдётся кто-то с предложением. Мой дядя был в секте и за это время он добровольно вынес всю технику из бабушкиного дома, а потом её зарезал, когда та не захотела продавать квартиру. Он до последнего твердил, что его ждут на небесах девушки с кошачьими ушами и что он делал то, что сказал бог. Я навсегда запомнила его глаза – они были спокойные и уверенные, что это не передать словами. И здесь я видела такие глаза. Я не знаю, что у них тут спрятано, но лучше валить пока не поздно.

Я молча застыл, не зная что делать.

– Старейшина тоже пытался меня затянуть к ним в секту, говоря, что я избранная, и что ему были видения. Сказал, что наши припасы нужно будет разделить на всех, потому что так сказал бог. И прочую фигню пытался мне загнать, но я сразу его раскусила и выгнала. Конечно, я не против поделиться, но если бы они пошли реально ко всем, а не так как пошло бы... С тех пор за мной часто хвост из одного-двух человек. Следят за каждым шагом, – Света выглянула за угол. Мне показалось, что чья-то тень резко исчезла. – Снова они. Наверняка, тебе он говорил то же самое. Он недалёкий и вряд ли бы придумал что-то новое. Ты видел машины на входе? Странно это. И что местные шугаются когда спрашиваю, ничего не говорят. Они что-то скрывают – это точно.

В голове была какая-то каша. Слова Старейшины теперь были какими-то пустыми, хитрыми. Света мне ещё ни разу не врала и, если он ей сказал то же, значит, это правда, что она говорит.

– И что же делать? – спросил я.

– Говорю же, валить отсюда надо. А что тебе он сказал?

– Рассказывал мне то же о том, что я избранный, и что нужно заставить тебя остаться здесь, – виновато сказал я. Мне было стыдно за то, что так легко дал себя одурачить.

– Так я и думала. Неудивительно, что это работает, ведь сейчас нам так нужна вера в чудо... – Света задумалась, но через пару секунд продолжила уже заметно тише: – Значит так, иди, скажи ему, что я согласна остаться, а я пока подготовлю это тело, потому что он вообще не хочет ехать.

– А что с ним? – спросил я.

– Да нажрался, скотина. Нам уезжать надо, а он валяется пьяный. Умереть, видите ли, не боится. Знаю я его. Сейчас весь такой грустный, грубый, а потом извиняется... Ладно, иди. Встречаемся здесь и потом уже пойдём все вместе. Я ещё машину по-быстрому проверю, на всякий случай – мало ли, что они там сделают.

Я кивнул и пошёл прочь быстрым шагом. Погода ухудшилась: поднялся ветер, солнце скрылось за тучами, пошёл снег – начиналась метель. В голове крутились слова Светы и Старейшины:

«Как я мог быть настолько глупым, чтобы поверить?»

Маленькое пятно сомнений всё равно терзало мысли: «Вдруг, это Света неправа? Вдруг, она ошибается? Мы же тогда потеряем шанс на спасение».

«Нет никакого спасения. Вокруг тебя – лишь смерть. Беги один! Спаси всех от себя!» – сказал Голос. Я скривился.

«Только не сейчас...»

– Уйди, – еле слышно сказал я. Голос посмеялся, но ничего не ответил.

Я встал недалеко от входа.

«Что мне ему сказать? Скажу, как есть. Не будет же он нас убивать за то, что мы уезжаем. Пообещаю, что мы никому не расскажем.»

Я уверенно пошёл к «храму». Охранник без особых вопросов пустил меня внутрь. Сейчас здесь уже не было особой ауры, что была утром – лишь лёгкий сумрак. Обычное тёмное помещение.

Я прошёл внутрь, к небольшой тёмной двери. Старейшина сидел за столом, рядом с ними, на подставке, горело размеренное пламя свечи. Он что-то записывал в небольшую тетрадь.

– Костя? – слегка удивился Старейшина. Он положил ручку в сторону. – Я тут немного занят летописью наших дней, но минутку выделить могу. Как твои успехи? Поговорил со Светой?

– Да... – сказал я неуверенно. – Не хочу вас огорчать, но мы решили уехать.

– С чего это? – Старейшина притворно погрузился. Теперь я видел все его уловки.

– Я ещё не увидел свою маму. Сразу после начала этого безумия мы расстались, и я до сих пор её не видел. Ещё хоть раз хотелось бы её увидеть. Надо проверить одно место.

– Понятно... но вы хорошо подумали? – спросил Старейшина. – Здесь есть и люди хорошие, и еда, и кров какой-никакой. Может, кто-то останется?

– Мы всё обдумали. Нет, мы все уедем. Света очень хотела мне помочь. Она вообще очень любила мою маму, – соврал я. – Ну, мы все вместе с детства знакомы. Она часто со мной сидела, когда был маленьким.

– Понятно-понятно, – кивнул Старейшина. – Хорошо, если так велит твоё сердце – езжайте. На всё есть Его воля. Надеюсь, у вас всё получится. С Богом!

– С богом, – ответил я и вышел.

Всё оказалось проще, чем я думал. С одной стороны, это было хорошо, но с другой настаивало то, как легко он нас отпустил. Но теперь оставалось только встретиться со Светой.

Чуть дальше от храма, неожиданно, из-за дома, кто-то выскочил и затащил мне за угол.

– Не пугайся. Это я, – нервно улыбнулся Женя, но сразу же стал серьёзным.

– Ты чего? – я непонимающе уставился на него.

– Просто невинная шутка, – ответил он и странно хихикнул. – Ты куда-то шёл, да?

– Да, и я спешу. Не до твоих игр сейчас.

– А куда, если не секрет? – его глаза загорелись.

– Мы собираемся уезжать. Поэтому, возможно, ты видишь меня в последний раз.

– Вот как... – Женя удивился. – Я уж думал, что вы останетесь. Он... он же никого не отпускает.

– Послушай, поехали с нами. Здесь лучше не оставаться, – мне не хотелось, чтобы единственный разумный человек оставался здесь и дальше. По крайней мере, несмотря на свои выходки, он казался таким. – Здесь что-то тёмное творится. Поехали с нами.

– Я... я не знаю, – на миг его лицо исказил страх, но потом снова повисла какая-то картонная улыбка. – Нет... нет. Мне лучше остаться здесь.

Женя развернулся, чтобы уйти.

– Послушай, – я схватил его за рукав, – поехали.

– Ты многого не знаешь, – резко вырвал руку Женя, но не уходил. Так мы и стояли молча несколько секунд, пока он снова не заговорил тихо: – Ладно, но... но это надо делать быстро. Они следят, понимаешь? За каждым нашим шагом. Его агенты, они везде. Когда... через сколько вы уезжаете?

– Не знаю. Я должен был встретиться со Светой возле того дома, – я указал пальцем на заброшенный дом. Женя резко и грубо схватил мою руку, опуская вниз. Он бешено смотрел на меня.

– Идём, – Женя потащил меня вперёд. Я пытался сопротивляться и вырваться, но он был намного сильнее меня.

Света стояла на входе, медленно выкуривая сигарету. Увидев нас, она выронила сигарету и, резким и ловким движением, выхватила пистолет, направляя на Женю:

– Отпустил его, если жить охота, – сказала она.

– Я... я друг, успокойся, пожалуйста, – Женя начал заикаться, но отпустил меня и поднял руки вверх. Запястье неприятно болело.

– Костя, это правда? Ты его знаешь? – Света не опускала пистолет. Я кивнул. – Обернись.

– Зачем? – спросил Женя.

– Чтобы фокусы не выкинул. Посмотрим, что у тебя. Выворачивай карманы, – твёрдо сказала Света. Женя повинился и выполнил приказы. Внутри у него ничего не оказалось.

– У меня ничего нет, видишь? – сказал он. – Я чист.

Света опустила пистолет и спрятала.

– Ладно, что ты хочешь? – правая рука Светы всё равно держалась наготове.

– Я хочу с вами.

– Куда? Мы никуда не собираемся, – Света перевела взгляд на меня. Мы подошли немного ближе.

– Костя мне всё рассказал. Я не фанатик, успокойся. Я застрял тут так же, как и вы, – тихо проговорил Женя, озираясь по сторонам.

– С чего мне тебе верить? – Света смотрела с явным недоверием.

– Прошу, просто поверь. Я же помог вам с машиной, я помог Косте с одеждой. Пожалуйста... пожалуйста, если я здесь останусь, мне конец, – Женя выглядел совсем отчаянным. Несколько раз у него ломался голос, будто он сейчас расплачется.

– Без слёз. Меня этим не взять, – твёрдо сказала Света, внимательно осматривая его. – Костя, ты за него можешь поручиться?

Я посмотрел на Женю – сейчас он выглядел таким жалким и беззащитным... Я не мог его бросить.

– Да...

– Хорошо. Значит, следи за ним, чтобы он чего не сделал, – сказала Света.

– Так, а когда мы уезжаем? – спросил Женя. – Они уже всё знают.

Света просто посмотрела на него с недоверием и повернулась ко мне обратно, оставляя вопрос без ответа.

– Как твои успехи? Он поверил? – спросила Света.

– Да, даже вопросов не задавал. Удачи пожелал.

– Подозрительно... даже очень. Но времени нет. Тут другая проблема есть, – сказала Света. – Этот идиот запер дверь и пускать меня не хочет. Сказал, что только тебя впустит.

– Меня?

– Да хер его пойми, когда он пьяный. Лучше с этим пораньше закончить и валить. Костя, осторожнее там. Я бы сама дверь выбила, но у него пистолет откуда-то взялся – как бы чего не сделал. А бросить я его не могу, сам понимаешь.

– Я понимаю. Ладно, – я медленно подошёл к двери и постучал.

– Ху из ит? – прямо за дверью стоял Миша.

– Это я, Костя, – голос дрогнул.

Дверь открылась. Рука с силой затянула меня внутрь, а затем дверь закрылась.

– Садись, – сказал Миша. Он поставил мою руку на спинку стула впереди. Не помню, чтобы здесь был стул. Я послушно обошёл стул и сел. В одной руке он держал пистолет и сел напротив меня на другой стул.

– С чего бы начать... – тихо сказал он. Было видно, что он уже протрезвел.

– Миша, давай потом. Пойдём. Нам нужно уезжать... Здесь творится какая-то херня.

– Сайленс! – сказал Миша, и я замолчал. – Дай сосредоточиться... Что... что ты думаешь о Лёше, а? Ты ведь ничего о нём не знаешь. Думаешь, наверное, что он был... даже не знаю... Думаешь, наверное, что он был из тех, кто смеётся над слабыми, да?..

– Ничего такого я не думаю... – начал я.

– Да заткнись ты! Вот умрёшь, и никто не будет о тебе думать! Никто! И не разу не вспомнит! Мы... мы стали жить в мире, где любой живой человек одновременно и лучший друг, и худший враг, понимаешь? – он встал и начал ходить по комнате. – И... и теперь мы подсознательно не можем думать о ком-то, кроме себя. Ни о ком! И... и это сейчас, а что будет потом? Прошло только несколько месяцев! Ты?.. Ты думаешь, что появится спасение, а? Всё! Это край! Не будет пути обратно! Люди доигрались в богов, – Миша презрительно фыркнул и остановился, подошёл к окну. – Ладно, я... я расскажу тебе историю. Хочу, чтобы ты узнал того, кого все, кроме меня, уже забыли, будто он и не существовал... Я... я жил в приёмной семье. Как ты понимаешь, нечасто встретишь чернокожего с именем «Миша». Мои приёмные родители взяли меня, когда мне было три года. И все знали, что я приёмный. Дети надо мной смеялись, подшучивали, а потом, когда подросли, начали издеваться. Просто потому что у меня другой цвет кожи... Родители пытались разбираться, но ничего не получалось. Да и разве объяснишь что-то ребёнку, пока он сам не захочет объяснений? Нет... Я не хочу сейчас жаловаться о тяжёлой жизни и прочем. Просто знай, что Лёша – первый, кто увидел за моей кожей человека. Его били за это вместе со мной, но он не сдавался, и, в итоге, смог превзойти их всех и смог защищать нас обоих. Разве встретишь ты сейчас таких людей? Чтобы хоть кто-то о ком-то просто подумал? Не-ет, – он снова начал ходить взад-вперёд. – Это был добрейший человек, а вы делаете вид, будто его не существовало, – голос Миши дрогнул. – Разве вы – люди?! Вы и пальца его не стоите! Вы... вы просто уехали, даже не подумали его похоронить. Оставили его на съедение этим... этим... монстрам! А ты... ты же видел всё и... и просто сбежал...

– Извини, я ничего не мог поделать. Всё произошло так быстро... – сказал я. Внутри что-то защемило. Я знал, что он прав.

– Да что ты вообще можешь?.. – сказал Миша с какой-то ненавистью. – Просто пиявка. Пиявка, которая живёт за счёт других.

– Знаю, – тихо сказал я. Рядом послышался детский смех. Во мне неожиданно разгорелась злость. Я поднялся и мной завладело это сильное чувство: – Я всё это знаю! Думаешь, я ничего не чувствую?! Он снится мне каждую ночь с того самого дня! Думаешь, мне всё равно?! Ты видел как умирают люди? А? Ты видел, как умирают твои близкие? Друзья, а? **ТЫ УБИВАЛ САМ, ЧТОБЫ ОНИ НЕ ПРЕВРАТИЛИСЬ В ЭТИХ МОНСТРОВ?!..** Ты думаешь, я не знаю? Ты думаешь, мне всё равно?! Думаешь, тебе одному легко?! Нет!

Миша не отвечал, а мне сказать было больше нечего. Так продолжалось около минуты, пока в дверь не постучали.

– Я же сказал, что никого не впущу! – крикнул Миша.

– О-о, вам придётся, – это был голос Старейшины. Он стоял прямо за дверью. – Если вы хотите увидеть ваших друзей живыми – выходите без оружия, с поднятыми руками.

Я не мог понять, что происходит.

– Я прекрасно знаю, что внутри у одного из вас есть оружие. Пожалуйста, не усложняйте ситуацию. Выбить дверь легко, но я не хочу портить дома будущих прихожан. Да и мало ли, вдруг кто пострадает. Пожалуйста, давайте разрешим дело мирно. Даю вам минуту на размышление, а чтобы вы не подумали, что я шучу – Дима, прострели этому предателю колено.

Прозвучал выстрел, а затем раздался истошный крик.

«Что происходит?!» – я не знал, что делать. Я встал и пошёл к выходу, но Миша всё так же сидел. За дверью человек всё так же кричал, но крик его резко прекратился.

– Миша, идём! Они же всех там всех перебьют!

– А смысл?.. – он медленно подошёл и сел на стул, бессмысленно смотря куда-то в пол. – Они убьют нас сейчас, убьют позже... какая разница?

– Но... но... там же Света, Женя, – в голове всё спуталось. Слышался только истошный крик, и вертелся вопрос «что делать?».

– Света? Да... Ладно, иди... Я... я прямо за тобой, – сказал Миша. Я начал открывать дверь. За спиной послышался выстрел. Я резко обернулся: Миша сидел, запрокинув голову. Пистолет, звякнув, упал на пол. Крик вырвался из груди.

«Иди! Иди!» – сказал кто-то прямо в ухо. Я открыл дверь трясущимися руками.

– Он... он... – слова не хотели формироваться в предложения, выходя лишь отрывками. Всё смешалось.

Чьи-то руки потянули меня вперёд, кто-то говорил впереди:

– Нет! А ну-ка, давай собирайся! – крикнул кто-то, больно ударив меня кулаком по лицу. Боль немного отрезвила мысли. Это был Старейшина. – Ты должен всё видеть!

Два человека больно сжимали мне руки, волоча вперёд. Старейшина шёл впереди. Рядом ещё один волочил Женю, а с другой стороны человек в чёрном пальто вёл вперёд Свету, подталкивая автоматом.

Через несколько минут мы оказались перед другим заброшенным домом. Я узнал его – это был тот самый дом с кровью.

– Что... что вы хотите? – спросил я, голос дрожал.

– Ох, что я хочу? – Старейшина задумался. Люди вокруг засмеялись. – Хочу, чтобы Божью волю исполняли, – он нанёс мне ещё удар в живот. Я упал на колени. Руки больше не держали меня. – Ты очень огорчил меня, мальчик. Я думал, что ты будешь мне помощником и другом, но ты отказался от этого. Ты отказался от предложения Всевышнего. Ты прогнул, но, знаешь, я спасу тебя, – Старейшина сделал жест куда-то в сторону. – Ведите их внутрь.

Нас снова схватили и протащили внутрь дома. Меня кинули прямо на холодную замёрзшую кровь. Я больно ударился головой об доски.

– Ты увидишь нашу тайну... Увидишь, нашу слабость, – сказал Старейшина с чувством какого-то маниакального удовольствия. Он стоял возле меня. Свету повели в другой угол комнаты, вместе с Женей. – Приведите и его в чувство! Он должен быть в сознании!

Человек, что стоял возле Жени, кивнул и начал его приводить в чувство ударами по лицу.

– Слышишь ты, бесовский урод, вставай! Скоро отправишься уже к своим друзьям, которых ты кинул, – сказал этот человек с какой-то радостью во время нанесения ударов. Женя с силой простонал. – Наконец-то...

Старейшина пошёл вперёд и встал напротив Жени, склонился над ним.

– Зачем вы это делаете? – прохрипел Женя.

– Я дал тебе шанс исправиться, посвятить жизнь Господу. Я дал тебе шанс стать одним из нас. Дал шанс обрести слово Его, а ты... предатель! – Старейшина встал и носком ботинка ударил его в бок. Я отвернулся, мне было больно смотреть на это.

– Держите его голову! – приказал Старейшина. – Он должен видеть! Он должен прозреть. Старейшина подошёл ко мне.

– Скажи мне, Костя, ты хочешь помочь своим друзьям? Хочешь их спасти?

– Костя, пожалуйста... делай так, как он скажет, – молил Женя. Он плакал.

– Смотри, там – предатель. Я дал ему шанс исправиться. Я дал ему право жить, в отличии от его друзей, которых он сам и убил. Представляешь, он собственноручно взял этот нож, – Старейшина с улыбкой запустил руку за пояс, – и перерезал им глотки, чтобы я позволил ему жить, понимаешь? Они просили его, умоляли, плакали, но он их убил. Сам.

– Не слушай его... – сказал Женя. Удар человека в чёрном успокоил его. Я скривился.

– Я думал, что этими деяниями он очистит свою душу и мысли. Я думал, что он сможет стать одним из нас, а он решил бежать, подживши хвост, при первой же возможности. Слабая, грешная душа! – сказал Старейшина и поднял руки вверх.

– Грешная! Грешная! – скандировали люди с чёрными дулами автоматов. Внизу, под полом, послышалось мычание. Прямо под нами был целый гул.

– А что мы делаем с грешными душами? – спросил Старейшина.

– Они очищаются болью! – прокричали люди в чёрном. С каждым их криком внизу гул становился всё сильнее. Послышался пронзительный тонкий писк.

– Они чувствуют! Да! Демоны – они чувствуют запах грешной души!

– Не надо! – закричал Женя. – Я сделаю всё... всё что угодно! Дайте мне ещё шанс, прошу! Только не это!

– Открывай! – скомандовал Старейшина. Человек, что стояли возле Жени, подошёл в центр комнаты и начал доставать доски. Из подвала вырвалось злое мычание, писк снова пронзил комнату. – Ведите его.

– Не надо! Нет! – Женя кричал, но его уже даже не пытались успокоить. Два человека подошли, схватили его за конечности, и потащили к яме. Я не мог отвернуться – голову держали железной хваткой. – Нет!

– Да очистится душа твоя грешная, о блудный сын! Да очистится она болью! – говорил Старейшина.

– Да очистится! – прокричали фанатики. Женя кричал.

– Да не даст его плоть смерти нашим семьям и близким, которые стали демонами!

– Да не даст!

– Кидайте!

Я закрыл глаза. Я представлял, что будет дальше. Старейшина открыл мне насильно глаза, больно цепляя пальцем оболочку.

– Нет! Ты должен смотреть!

– Нет! – крикнул я. – Не надо! Прошу!

– Уже слишком поздно...

Двое охранников раскачали тело Жени и с размаху бросили его в яму. Оттуда послышался истошный крик. Он пронзил всю комнату и несколько секунд не стихал. Женя кричал и кричал, но, вдруг, стих. Только раздавалось негромкое чавканье. Я не мог поверить, что сейчас произошло.

«Нет, это всего лишь сон. Это не может быть реальность» – думал я.

Вдруг, позади послышался щелчок затвора.

– Суки, как же я хочу сейчас вас всех убить... – с ненавистью сказала Света. – Как я хочу вас всех убить, твари! Но не сейчас...

– Что... – сказал тихо Старейшина.

– Молчать! – крикнула Света. – Отдайте мне мальчика, и я никого не трону. Если кто хоть попробует тронуться с места – мало не покажется.

– Да что ты м... – хотел сказать Старейшина, но раздался выстрел и один из двух людей, которые скинули вниз Женю, упал, стоная от боли.

– Ещё хоть одно слово, и я уже не буду стрелять в тело. Лучше не шутить с майором секретной службы безопасности при дворе президента.

– Ах ты тварь... Ладно. Делайте, что она говорит. Отпустите мальчика, – сказал Старейшина.

Рука резко отпустила меня.

– Отойдите от него и бросьте оружие мальчику! – скомандовала Света. Она стояла у стены с автоматом в руках, а рядом, навзничь, лежал один из местных. Местные сначала растерянно

посмотрели друг на друга, на Старейшину, но положили автоматы возле меня, затем отошли на несколько шагов.

– Костя, хватай стволы, и на выход к машине! Беги, не оборачивайся! Я прикрываю!

Я послушно взял три автомата в охапку, и выбежал наружу. Автоматы были тяжёлыми. Бежать было тяжело. Ноющая боль ещё отдавалась в боку.

– Не преследовать нас! – крикнула Света позади.

Я пробежал вперёд мимо удивлённых людей. Никто не пытался меня остановить. Машина оказалась закрыта. Позади прозвучала очередь выстрелов. Света бежала спиной ко мне. Она сделала ещё одну очередь в воздух, а затем куда-то вперёд наугад. Она открыла мне дверь, и побежала на водительское кресло. Я поспешно закинул внутрь стволы автоматов и влез в кабину. Света пулей влетела внутрь, и завела машину. По машине прошло несколько выстрелов.

– Пригнись! – крикнула Света. Я пригнулся и закрыл голову руками, машина понеслась вперёд.

«На этот раз – Миша и Женя. В следующий раз будет Света», – прозвучал Голос. В голове стоял истошный крик Жени.

– Куда мы? – тихо спросил я.

– Не знаю. В город, – ответила Света. – Сейчас важно где-нибудь спрятаться. Они будут нас преследовать – это точно.

Я ничего не ответил. Мы проехали молча около получаса. У меня из головы не выходили мысли о том, что было. Но один вопрос мучал больше всего. Я решил задать его Свете:

– Почему... почему Миша так поступил?

– А что он сделал?

– Он... он выстрелил в себя.

– Ясно.

Через несколько минут Света спросила:

– О чём вы говорили?

– Он... он рассказывал мне про Лёшу.

– Ясно.

– Ты о чём?

– Не выдержал того, что его любимый умер, – сказала Света. – Мы все знали, что Миша любит Лёшу. Да и так... он очень чувствительный. Знаешь, сейчас не каждый может выдержать просто жить. Не говоря уже о большем.

Я ещё больше перестал всё понимать.

– Понимаю, что ты сейчас ничего не понимаешь. Это нужно просто пережить, поверь. Со временем осознание само придёт.

Я ничего не ответил. Говорить не хотелось. Ничего не хотелось.

«Долго ещё ты будешь бежать, оставляя всех, чтобы уйти самому? Или пора уже остановиться?»

День 140-142

Небо было застлано тучами. Я посмотрел на руки – их силуэты слабо различались. Холод, сырыми лапами, обнял меня, вызывая неприятную дрожь.

«Сколько я здесь?» – задавал я себе вопрос, на который не находил ответ.

Вокруг были пустующие бетонные стены домов, создавая коридор. Впереди послышалось мычание – я передёрнул затвор и нацелился в пустоту, затаив дыхание. Тишина. Убивающая тишина. Ветер обдувал лицо, но я его не слышал, будто звуков больше не стало. Внезапно, резкий крик прямо за спиной пронзил голову, оглушая, и повалил на асфальт. Я резко обернулся, но ничего не было. Тьма смеялась надо мной, над моей беспомощностью. Я до боли напрягал глаза, но ничего не смог увидеть. Сумерки сгустились и теперь даже силуэты рук не было видно.

Я встал и побрёл наощупь, держась свободной рукой за стену. Стена была плоская и сплошная, без единой выемки – идеально ровная. Крик позади повторился и послышалось разрывание воздуха. Что-то приближалось. Стрелять наугад было бесполезно, оставалось только найти место, куда можно спрятаться. Я побежал вперёд, беспорядочно, в панике, обтирая рукой стену, но ничего не попадалось. Пальцы старились в кровь.

Что-то, преследовавшее меня, дыхнуло прохладой в шею, ускоряя меня.

«Я же предупреждал», – шепнуло в ухо нечто. Я упал. Оно больше не преследовало меня. Этот голос оглушал. Предложение, раздавшись в голове, распалось на тысячи кусочков, где каждый резонировал, вызывая новые звуковые волны и новые куски, которые, в свою очередь, распались на новые, и так до бесконечности. Я стоял на коленях, пытаюсь закрыть уши, но ничего не выходило. Я никуда не мог сбежать, потому что это существо было внутри головы.

«Я же тебя предупреждал, а ты не захотел слушать. Ничто не сможет тебя спасти, кроме тебя самого», – твердил голос.

Я попытался закричать, но даже не услышал себя. Лишь осколки голоса разлетались в голове, а глаза застлала полная тьма.

«За свои грехи придётся расплатиться, и ты ничего не сможешь поделаться. Смотри, что ты наделал», – после этих слов зрение вернулось и передо мной понеслась вереница образов: Лёша, Павлов, Олег, Максим, мама. Все они смотрели на меня с укором. Я не мог вынести этого, но тело перестало слушаться, а глаза не закрывались. Мне резко захотелось убить себя, лишиться страданий других людей, но появилась Света. Она плавно выхватила автомат из моей руки, выстрелила себе в живот и улыбнулась, а из уголков её рта протянулись две красные нити.

Я попытался закричать, но слова не шли. Губы даже не шевелились. Затем все остальные повторили процедуру, поочерёдно передавая эстафету друг другу.

«Это всё твоя вина», – шепнул голос. Я больше не чувствовал неприятную сырость в нём. Кое-как я смог повернуть голову, чтобы заглянуть своему ужасу в лицо. У него было моё лицо. Оно нагло смотрело на меня, насмехаясь.

* * *

Я с ужасом открыл глаза, осматриваясь. В костре уже слабо тлели угли, а в окна слабо проникал свет утреннего зарева неба, которое начинало светлеть. Света лежала рядом и лицо её было спокойным.

Я встал и подошёл к открытому окну, накинув куртку. Потом медленно, чтобы не шуметь, открыл огромную железную дверь и вышел наружу. Утром ещё было прохладно, но днём будет теплее. Снег давно уже сошёл, оголяя землю, но и она уже не пустовала. Весна наступала по

всем фронтам, и то тут, то там, можно было увидеть набухающие почки деревьев, а сквозь тёмную корку лысой земли уже пробивались зелёные волоски травы.

Я прошёлся немного по лесу, собрал небольшую охапку веток для того, чтобы костёр развести. Здесь нечего было бояться – мы ещё находились за городом, а в лесу восставших практически не было. За те недели, что мы шли сквозь чащу, только три раза нам встречались восставшие и то, обычные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.